

MACROSOCIOLOGISTICS AND MINORITY LANGUAGES

2025
Volume 3
No. 1

2025
Том 3
№ 1

MACROSOCLINGUISTICS AND MINORITY LANGUAGES

2025 Том 3 № 1

DOI: 10.22363/2949-5997-2025-3-1

Сетевой научный журнал
Издается с 2023 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: Эл № ФС 77-82546 от 30.12.2021

Учредитель: федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

**Москвичева
Светлана Алексеевна**

Кандидат филологических наук,
доцент, заведующая лабораторией
динамики языков в миноритарной
ситуации научно-образовательного
института современных языков,
межкультурной коммуникации
и миграций, Российский университет
дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

E-mail: moskvicheva-sa@rudn.ru

Ответственный секретарь

**Борисова
Анна Степановна**

Кандидат филологических наук,
доцент, Российский университет
дружбы народов, *Москва, Российская
Федерация*

E-mail: borisova-as@rudn.ru

Почетный редактор Ален Вио, доктор лингвистики, директор исследований эмирита Национального центра научных исследований (CNRS), Бордо, Франция, e-mail: alain.viaut@orange.fr

Члены редакционной коллегии

Агранат Татьяна Борисовна, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Александрова Оксана Ивановна, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Додыхудоева Лейли Рахимовна, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Замалетдинов Радиф Рифкатович, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

Илюха Ольга Павловна, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН), Петрозаводск, Российская Федерация

Марцинковская Татьяна Давидовна, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Солнышкина Марина Ивановна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

Эбзеева Юлия Николаевна, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

MACROSOCIOLINGUISTICS AND MINORITY LANGUAGES

ISSN 2949-5997 (Online)

2 выпуска в год

Языки: аварский, адыгейский, алтайский, английский, башкирский, бурятский, вепсский, даргинский, ингушский, испанский, итальянский, кабардино-черкесский, калмыцкий, карачаево-балкарский, карельский, коми, крымско-татарский, кумыкский, лакский, лезгинский, марийский, мордовский, ненецкий, немецкий, осетинский, русский, татарский, тувинский, удмуртский, французский, хакасский, чеченский, чувашский, якутский.

ЦЕЛИ И ТЕМАТИКА

Журнал *Macrosociolinguistics and Minority Languages* — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социолингвистики и междисциплинарных исследований.

Актуальность и тематика

Узкоспециализированная тематика, связанная с дисциплинарным полем макросоциолингвистики, а также языкового права, психолингвистики, и предметной областью, включающей проблематику языковых контактов, языковых ситуаций, социолингвистической динамики, языковой политики и языкового планирования, социальных представлений о языке.

Цели и задачи журнала

- Развитие научного сотрудничества между российскими и зарубежными социолингвистами, а также специалистами смежных областей.
- Знакомство с новейшими российскими и международными исследованиями в области макросоциолингвистики.
- Публикация результатов оригинальных теоретических, прикладных и дескриптивных исследований в русле научной тематики журнала.
- Просветительство и распространение научного знания о различных языковых ситуациях для широкого круга читателей.

Специфика журнала

- Регулярные тематические выпуски с приглашенными российскими и зарубежными соредакторами.
- Постоянная рубрика, посвященная обзору научных работ «Макросоциолингвистика в России и мире».
- Постоянная просветительская рубрика «Просто о сложном», ориентированная на широкую читательскую аудиторию.
- Дискуссионная платформа для обсуждения вопросов, связанных с сохранением языков, языковой политикой и языковым планированием.
- Постоянная рубрика «Слово молодым».

Кроме исследовательских научных статей редколлегия принимает к рассмотрению научные обзоры, а также публикует рецензии на монографии, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Группа научных специальностей: 5.9. — Филология; 5.3. — Психология. Специальности научных работников: 5.9.8. — Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, 5.9.5. — Русский язык. Языки народов России, 5.9.6. — Языки народов зарубежных стран, 5.3.1 — Общая психология, психология личности, история психологии.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <https://macrosociolinguistics.ru/MML/>

Электронный адрес: mmljrl@rudn.ru

Литературный редактор *О.В. Горячева*
Редактор англоязычных текстов *Ю.М. Алюнина*
Компьютерная верстка *М.В. Рогова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: mmljrl@rudn.ru

Подписано 25.06..2025. Выход в свет 27.06.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитуры Noto, Adelle.

Усл. печ. л. 7,87. Тираж 500 экз. Заказ № 85. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

MACROSOIOLOGUISTICS AND MINORITY LANGUAGES

2025 Volume 3 № 1

DOI: 10.22363/2949-5997-2025-3-1

Published since 2023

by the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Dr. Svetlana A. Moskvitcheva

Institute of Modern Languages,
Intercultural Communication
and Migration (IM-LICaM),
RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: moskvicheva-sa@rudn.ru

EXECUTIVE BOARD SECRETARY

Dr. Anna S. Borisova

RUDN University, *Moscow, Russian
Federation*

E-mail: borisova-as@rudn.ru

Honorary Editor Dr. Alain Viaut, French National Centre for Scientific Research (CNRS), Bordeaux, France,
e-mail: alain.viaut@orange.fr

Editorial board

Tatyana B. Agranat, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Oksana I. Aleksandrova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Leyli R. Dodykhudoeva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radif R. Zamaletdinov, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Olga P. Ilyukha, Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation

Tatyana D. Martsinkovskaya, L.S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russian Federation

Marina I. Solnyshkina, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Yuliya N. Ebzeeva, RUDN University, Moscow, Russian Federation

MACROSOCIOLOGICAL AND MINORITY LANGUAGES

ISSN 2949-5997 (Online)

2 issues per year

Languages: Avar, Adyghe, Altaic, English, Bashkir, Buryat, Veps, Dargin, Ingush, Spanish, Italian, Kabardino-Circassian, Kalmyk, Karachay-Balkarian, Karelian, Komi, Crimean Tatar, Kumyk, Lak, Lezgin, Mari, Mordovian, Nenets, German, Ossetian, Russian, Tatar, Tuvan, Udmurt, French, Khakass, Chechen, Chuvash, Yakut.

AIMS AND SCOPE

Macrosociolinguistics and Minority Languages is an interdisciplinary peer-reviewed journal of international scope dealing with issues in sociolinguistics and related disciplines. The journal is international due to its editorial board, contributing authors and thematic focus of publications.

Focus Areas

The journal covers highly specialized research topics related to the disciplinary field of macrosociolinguistics, including linguistic law, psycholinguistics, issues of language contacts, language situations, sociolinguistic dynamics, language policy and language planning, social representations of language.

Aims and Scope

To promote expert and academic dialogue between Russian and international sociolinguists and specialists in other related areas of study.

- To disseminate the latest research in the field of macrosociolinguistics developed both in Russia and abroad.
- To publish results of original theoretical, applied and descriptive research within the journal focus areas.
- To advance knowledge of various language situations and educate a wide range of readers.

Distinctive Features of the Journal

- Regular guest-edited thematic issues.
- Regular section 'Macrosociolinguistics in Russia and abroad' dedicated to a survey of major works marking important theoretical and practical advances.
- Regular section 'Let's Talk Science' intended for a general audience of readers.
- Regular 'Notes and Discussion' section where views on important issues related to language preservation, language policy and language planning are exchanged.
- regular section 'Call for Young Researchers'.

In addition to research articles, the journal publishes editorials, book reviews, conference reports and research project announcements. The journal also considers responses and comments on manuscripts published in previous issues.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <https://macrosociolinguistics.ru/MML/>
E-mail: mmljrl@rudn.ru

Editor O.V. Goryacheva
English text editor Yu.M. Alyunina
Computer design M.V. Rogova

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41
e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: mmljrl@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia Named After Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, 117198, Moscow, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russian Federation,
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Содержание

Типология языковых ситуаций

- Баянбаева Ж.А.** (*Алматы, Казахстан*). Билингвизм и языковая идентичность: стратегии управления мультилингвизмом в Казахстане, Канаде и Бельгии 7
- Камарго Босига Я.Х.** (*Москва, Российская Федерация*). Языковая идентичность Колумбии: социальные образы диалектов испанского языка 19
- Кшнякина А.К.** (*Алматы, Казахстан*). Социолингвистический анализ языковой среды Алматы в контексте официального двуязычия 34
- Haddad A.D.** (*Moscow, Russia*). Literary Arabic and the Syrian Dialect: Functional Distribution and Language Attitudes in Syria (*Литературный арабский и сирийский диалект: функциональное распределение и языковые аттитуды в Сирии*) 58
- Yassine N.** (*Moscow, Russia*). Emotional Expression and Linguistic Identity in a Multilingual Morocco (*Речевая экспрессия и языковая идентичность в многоязычном Марокко*) 71

Научные события. Брифы. Рецензии

- Биазио М.** (*Пиза, Италия*). Славянские анклав в Италии: несколько слов о молизско-славянском языке 81

Contents

Typology of language situations

- Bayanbayeva Zh.A.** (*Almaty, Kazakhstan*). Bilingualism and linguistic identity: Language planning strategies in multilingual Kazakhstan, Canada, and Belgium 7
- Camargo Bosiga Y.J.** (*Moscow, Russia*). Colombian language identity: Social images of Spanish dialects 19
- Kshnyakina A.K.** (*Almaty, Kazakhstan*). Sociolinguistic analysis of Almaty language environment in the context of official bilingualism 34
- Haddad A.D.** (*Moscow, Russia*). Literary Arabic and the Syrian dialect: Functional distribution and language attitudes in Syria 58
- Yassine N.** (*Moscow, Russia*). Emotional expression and linguistic identity in a multilingual Morocco 71

Scientific events. Briefs. Book reviews

- Biasio M.** (*Pisa, Italy*). Slavic enclaves in Italy: Some remarks on Molise Slavic 81

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ TYPOLOGY OF LANGUAGE SITUATIONS

DOI: 10.22363/2949-5997-2025-3-1-7-18

EDN: ATTEII

Научная статья / Research article

Билингвизм и языковая идентичность: стратегии управления мультилингвизмом в Казахстане, Канаде и Бельгии

Жадыра Амангельдиевна БАЯНБАЕВА

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

✉ bayanbayevazhadra@mail.ru

Аннотация. В условиях одновременного роста тенденций к глобализации и регионализации, а также усиления процессов, связанных с укреплением национальной идентичности, эффективное управление языковым разнообразием становится ключевой задачей для мультиязычных и поликультурных государств. Эти процессы затрагивают как автохтонные титульные и миноритарные, так и экзогенные стандартные языки. Билингвизм, будучи нормой в таких обществах, представляет собой не только лингвистический феномен, но и мощный фактор формирования идентичности, требующий продуманной политики. Цель исследования — проанализировать, каким образом билингвизм влияет на языковую идентичность и каковы стратегии его регулирования в контекстах с разной социолингвистической конфигурацией языковых ситуаций. На основе макросоциолингвистического подхода и сравнительного анализа моделей языковой политики Казахстана, Канады и Бельгии показано, что успешность мер по регулированию и управлению мультилингвизмом прямо коррелирует с учетом особенностей языковой ситуации, в первую очередь речь идет о таких параметрах, как тип территориального распределения языков, тип их стандартизации, степень автохтонности и ее значимость для языкового сообщества. Результаты демонстрируют, что устойчивость многоязычия и избегание динамики конфликта напрямую зависят от системной государственной поддержки и управ-

© Баянбаева Ж.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ления, эффективная модель которых может быть различной: асимметричный билингвизм в Казахстане, институциональный — в Канаде, территориальный — в Бельгии. Ключевой вывод заключается в том, что успешность языковой политики базируется на гибких и инклюзивных стратегиях, интегрирующих образование, медиа и межкультурный диалог, где билингвизм рассматривается как ресурс для социального развития и интеграции, а не как проблема.

Ключевые слова: языковая политика, языковые идеологии, языковая регуляция, языковая ситуация, поликультурное общество, территориальный принцип, личностный принцип

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 12 сентября 2024; принята 25 января 2025.

Для цитирования: Баянбаева Ж.А. Билингвизм и языковая идентичность: стратегии управления мультилингвизмом в Казахстане, Канаде и Бельгии // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2025. Т. 3. № 1. С. 7–18. <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-7-18>
EDN: ATTEII

Bilingualism and linguistic identity: Language planning strategies in multilingual Kazakhstan, Canada, and Belgium

Zhadyra Amangeldievna BAYANBAYEVA

Al-Farabi Kazakh National University, *Almaty, Republic of Kazakhstan*

✉ bayanbayevazhadra@mail.ru

Abstract. In an environment of concurrent trends toward globalization and regionalization, as well as the strengthening of processes associated with the reinforcement of national identity, the effective management of linguistic diversity becomes a key task for multilingual and multicultural states. These processes affect both indigenous titular and minority languages, as well as exogenous standard languages. Bilingualism, being the norm in such societies, is not only a linguistic phenomenon but also a powerful factor in shaping identity that requires thoughtful policy. The aim of this study is to analyze how bilingualism affects language identity and what the strategies for its regulation are in contexts with different sociolinguistic configurations of language situations. Based on a macro-sociolinguistic approach and a comparative analysis of the language policy models of Kazakhstan, Canada, and Belgium, the study shows that the success of measures to regulate and manage multilingualism directly correlates with the consideration of the specifics of the language situation. Primarily, this refers to parameters such as the type of territorial distribution of languages, the type of their standardization, the degree of autochthonous status, and its significance for the language community. The results demonstrate that the sustainability of multilingualism and the avoidance of conflict dynamics directly depend on systemic state support and management, the effective model of which can vary: asymmetric bilingualism in Kazakhstan, institutional in Canada, territorial in Belgium. The key conclusion is that the success of language policy is based on flexible and inclusive strategies that integrate education, media, and intercultural dialogue, where bilingualism is viewed as a resource for social development and integration, rather than as a problem.

Key words: language policy, language ideologies, language regulation, language situation, multicultural society, territorial principle, personality principle

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: received: 12 September 2024; accepted: 25 January 2025.

For citation: Bayanbayeva, Z.A. (2025). Bilingualism and linguistic identity: Language planning strategies in multilingual Kazakhstan, Canada, and Belgium. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 3(1), 7–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-7-18> EDN: ATTEII

Введение

Современное общество все чаще определяется как многоязычное и поликультурное, где билингвизм становится нормой, а не исключением. В этих условиях языковая идентичность приобретает сложную и динамичную форму, отражающую множественные культурные принадлежности индивида. Билингвизм выступает не просто как средство коммуникации, но и как инструмент формирования самоощущения, символической принадлежности и социальной мобильности.

Билингвизм и языковая идентичность — два взаимосвязанных феномена, которые приобретают особое значение в условиях поликультурных обществ. В мире, где границы между культурами становятся все более проницаемыми, а миграционные процессы набирают обороты, владение несколькими языками не только облегчает коммуникацию, но и оказывает прямое влияние на самоопределение личности. Язык в этом контексте выступает не просто средством общения, а важнейшим маркером принадлежности, социальной интеграции и культурного самоопределения.

Формирование языковой личности в билингвальной среде представляет собой сложный процесс. Он зависит от множества факторов: семейного воспитания, системы образования, государственной языковой политики, межэтнических отношений, а также отношения самого индивида к каждому из используемых им языков. При этом языковая идентичность может быть как устойчивой и однозначной, так и гибкой, множественной или даже конфликтной. Особенно остро это проявляется в странах с многоязычным населением, таких как Казахстан, Канада, Бельгия и др.

В зависимости от степени институциональной поддержки билингвизм может рассматриваться как фактор социальной мобильности, инструмент культурного посредничества или, напротив, как источник напряженности и маргинализации. Именно поэтому исследование влияния билингвизма на идентичность требует макросоциолингвистического подхода, в рамках

которого учитываются как индивидуальные траектории языкового развития, так и глобальные социокультурные тренды.

Цель исследования — рассмотреть билингвизм как фактор формирования языковой идентичности в поликультурной среде через призму стратегий и практик языковой политики и планирования. Особое внимание уделяется социолингвистическим механизмам адаптации, мерам языкового планирования и тому, каким образом различные формируемые модели билингвизма (симметричный, асимметричный, институционализированный) влияют на формирование чувства принадлежности, самовосприятие и межкультурные коммуникации.

Основные задачи исследования: анализ структуры языковой идентичности билингвов, социокультурных механизмов ее формирования, а также институциональных и идеологических контекстов, в которых осуществляется языковой выбор.

Базой исследования послужили языковые ситуации Казахстана, Канады и Бельгии — стран, где билингвизм не только широко распространен, но и поддерживается на государственном уровне. Сопоставительный анализ призван выявить как универсальные закономерности, так и специфические черты языкового самосознания в различных культурных и политических контекстах. Изучение взаимосвязи между языком, идентичностью и языковой политикой в поликультурной среде способствует более глубокому пониманию природы современного многоязычного общества и роли языка как символического и социального ресурса.

Понятие билингвизма нередко упрощается до способности человека использовать два языка в повседневной жизни. Однако в контексте поликультурной среды билингвизм выходит за рамки исключительно лингвистической компетенции и становится частью социальной и культурной идентичности (Edwards, 2006: 23). Понимание языка и умение на нем изъясняться означает, что говорящий способен «употреблять только те сочетания и преобразования знаков, которые приняты в данной социальной группе; обозначать объекты и ситуации так, как это делают члены группы; выражать свои собственные состояния так, как это делают другие» (Сейтхадырова, Султанбекова, 2015: 81). Вместе с тем по уровню владения языками принято выделять сбалансированный («balanced») и несбалансированный («unbalanced») билингвизм, когда один из языков является доминирующим, что, среди прочего (Butler, Hatuka, 2006: 115), зависит от социального окружения говорящего и языковой среды.

Языковая идентичность, в свою очередь, отражает самоопределение человека через принадлежность к определенной языковой и культурной группе (Edwards, 2006: 23). Согласно Дж. Эдвардсу, язык является не только средством общения, но и символом этнической принадлежности и коллективной памяти (Edwards, 2006: 20). Языковая идентичность может быть стабильной или гиб-

кой, что особенно характерно для билингвов, переходящих между языковыми контекстами.

Таким образом, билингвизм и языковая идентичность взаимосвязаны: владение двумя языками влияет на то, как человек воспринимает себя и как его воспринимает общество, которое и дает запрос на институциональное управление мультилингвизмом. Эта связь особенно значима в поликультурной среде, где язык становится не только коммуникативным, но и символическим ресурсом.

Методология исследования

Обобщен и исследован материал, собранный в ходе социолингвистического анализа эффектов от реализации мер языковой политики и планирования в различных регионах Казахстана с выраженным билингвальным населением. В Казахстане выбор исследовательских площадок основывался на критериях языкового разнообразия, плотности этнического состава и функционирования образовательных учреждений с разными языками обучения. В работу были включены города Алматы, Шымкент, Усть-Каменогорск и этнически неоднородные сельские районы Алматинской и Восточно-Казахстанской областей. Данные о языковых идеологиях и языковой политике таких этнокультурных сообществ как Монреаль (Канада) и Брюссель (Бельгия), ставших классическими примерами в области управления многоязычием, а также известных своей институциональной поддержкой билингвизма, приводятся для понимания специфики языковой ситуации Казахстана.

Пример Канады показывает возможные пути решения вопроса о регулировании использования английского и французского языков в Монреале и шире — в провинции Квебек. Пример Бельгии — это территориальный подход к институциональному управлению билингвизмом с закреплением доминирующего положения французского и фламандского языков соответственно во франкофонной южной части страны и фламандского на севере. Брюссель же признается двуязычной территорией с равными правами для обоих языков.

Методология исследования базировалась на методах анализа и сравнения. Теоретической рамкой исследования послужила модель языковой политики Бернарда Спольски (Spolsky, 2004), включающая три компонента: языковая практика, языковая идеология и языковое управление. При анализе языковой политики в Канаде и Бельгии использовались теоретические положения, сформулированные в работах Л.-Ж. Кальве (Calvet, 2018), Н. Лабри (Labrie, 1993), М.-Ж. Сент-Робер (Saint-Robert, 2016). В качестве дополнительных подходов использовались концепции языкового сдвига — «language shift» (Fishman, 1991; Dorian, 1989) и множественной идентичности — «multiple identities» (Hall, du Guy, 1996; Bourdieu, 1991), а также конструктивистская теория этничности

Ф. Барта и Р. Брубейкера (Barth, 1969; Brubaker, 2006). С учетом сложности исследуемого феномена подход к идентичности носил процессуальный характер, позволяющий анализировать ее как динамическое, контекстуально обусловленное и политически репрезентируемое явление.

Дополнительно использовался опыт и материал, собранный автором в среде казахско-русских билингвов — преподавателей и родителей, воспитывающих детей в условиях двуязычия. Анализ их опыта позволяет раскрыть механизмы рефлексивного отношения к языку, стратегии адаптации и сопротивления языковому сдвигу, а также пути формирования и трансляции языковой идентичности на межпоколенческом уровне.

В заключении подведены итоги сравнительного анализа социолингвистических конфигураций трех избранных стран и сформулированы выводы о роли билингвизма в поддержании культурного плюрализма в поликультурной среде.

Макросоциолингвистический контекст билингвизма

Билингвизм в условиях поликультурного общества рассматривается не только как индивидуальная практика, но и как макросоциолингвистический процесс, охватывающий государственную политику, образовательные стратегии и межэтнические отношения. Макроуровень анализа предполагает рассмотрение языковых практик через призму социальной стратификации, институциональной поддержки и культурной репрезентации.

На государственном уровне важную роль играет языковая политика, определяющая статус языков, поддерживаемых в публичных сферах. В странах с высокой степенью этнического и языкового разнообразия билингвизм нередко институционализируется через двуязычное образование, медиаресурсы и законодательные инициативы (Spolsky, 2004; May, 2012; Алюнина, 2023:17). Это способствует формированию двойной или множественной идентичности у представителей таких обществ (Bailey, 2007).

Примером успешной языковой политики можно считать канадскую модель официального двуязычия, где английский и французский языки равноправны в образовательной и административной сферах. Аналогичным образом в Казахстане реализуется политика триединства языков: казахского, русского и английского — с акцентом на развитие казахского языка как государственного, что способствует языковому плюрализму, но также создает напряженность в вопросах идентичности (Smagulova, 2008).

Миграционные процессы, глобализация и цифровая трансформация усиливают потребность в билингвизме как условия социальной адаптации и мобильности. Цифровая среда, особенно социальные сети, способствует

распространению практик смешанного дискурса, где чередуются языки в зависимости от аудитории, темы или контекста (Androutsopoulos, 2017). Это явление характерно как для молодежных субкультур, так и для официальных коммуникаций, включая сферу образования и СМИ.

Язык становится не только инструментом общения, но и маркером культурной и этнической принадлежности, символом лояльности и барьером доступа к определенным ресурсам. Таким образом, билингвизм в макросоциолингвистическом контексте — это способ не только выживания, но и стратегического позиционирования в обществе (Bourdieu, 1991).

В трудах Дж. Фишмана отмечается, что языковая политика должна быть направлена не только на сохранение языка, но и на восстановление его функциональности в ключевых доменах: образовании, семье, медиа, религии (Fishman, 1991). Именно институциональная поддержка на макроуровне обеспечивает долгосрочную устойчивость билингвальных практик и формирует позитивную языковую идентичность.

Таким образом, макросоциолингвистический контекст билингвизма выявляет не только функциональные аспекты языковой практики, но и ее символическую значимость. Язык в поликультурной среде выступает одновременно механизмом объединения и дифференциации, отражая многоуровневую структуру социокультурного пространства. Именно поэтому понимание билингвизма требует не только лингвистического, но и социального анализа, интегрирующего политические, экономические и культурные измерения языкового взаимодействия, что прямо влияет на стратегии и тактики языковой политики и планирования.

Эмпирические кейсы: Казахстан, Канада и Бельгия

Рассмотрение конкретных социолингвистических кейсов позволяет выявить особенности и векторы языковой политики, адаптированной к билингвальным практикам и языковым идентичностям в различных политико-культурных и институциональных контекстах. Казахстан, Канада и Бельгия — три страны с различной историей и подходами к языковой политике, но объединенные опытом сосуществования двух и более языков в рамках единой государственной системы.

Языковая ситуация в Республике Казахстан имеет общие черты с ситуациями в других постсоветских обществах, где сложились специфические формы билингвизма с элементами диглоссии, при которой присутствует функциональное распределение языков, но без выраженных отношений по оси доминантности. «Независимые государства, образовавшиеся в начале 90-х на территориях бывших Союзных республик СССР, были поставлены перед необходимостью

поиска новых принципов организации и выбора приоритетов как в области внутренней, так и внешней политики. Это в равной степени касалось геополитических ориентаций вновь образованных стран, векторов экономического, политического и культурного партнерства, характера мер, направленных на укрепление территориального и национального (гражданского) единства государства, а также на выработки стратегий отстаивания независимости в условиях возможных внешних угроз. В иерархии этих проблем вопросы, относящиеся к области языковой и тесно связанной с ней образовательной политики, оказались отнюдь не второстепенными. Напротив, для всех без исключения постсоветских государств первоочередным и одним из центральных вопросов внутренней политики стал языковой вопрос, включавший как минимум три аспекта: вопрос о статусе титульного языка республики, вопрос о статусе, месте и функциях русского языка, вопрос о политике по отношению к языкам этнических (национальных) меньшинств»¹ (Moskvitcheva, Abdullaev, 2020: 365–366).

Русский язык продолжает играть важную роль в межэтническом общении, бизнесе и образовании, в то время как казахский язык имеет статус государственного. На сегодняшний день для Казахстана по-прежнему характерен асимметричный билингвизм (Smagulova, 2008), при котором функциональные домены (дом, образование, госслужба) распределены неравномерно между двумя языками — казахским и русским. Вместе с тем наблюдается безусловное расширение доменов и сфер использования казахского языка. На данный момент только казахский язык обладает статусом государственного языка. Русский язык считается языком межнационального общения, что, фактически, возвращает его к статусу, которым он обладал в эпоху СССР, но с ограничением всех видов коммуникативного потенциала. Политика триединства (казахский, русский, английский) вызывает амбивалентные чувства: с одной стороны, она способствует расширению языковых репертуаров, с другой — вызывает напряжение в вопросах идентичности и языковой лояльности.

Социолингвистическая конфигурация, характерная для Канады, является примером институционального билингвизма. Статья 16 Канадской хартии прав и свобод 1982 г. (Canadian Charter of Rights and Freedoms) гарантирует равенство английского и французского языков на федеральном уровне. Вместе с тем, в провинции Квебек французский язык имеет доминирующий статус, что создает интересную ситуацию инверсии языкового доминирования по сравнению с остальной страной. По мнению Б. Байли (Bailey, 2007), такая политика способствует укреплению французской идентичности и сохранению языка меньшинства. Однако, согласно исследованиям С. Холла и П. дю Ги (Hall, du Guay, 1996), напряженность между англо- и франкоязычным населением со-

¹ Перевод с английского Ж. Баянбаевой.

храняется и проявляется в идеологических дебатах о культурной автономии. При всей привлекательности модели управления языковым разнообразием, выработанной и реализованной Канадой, данный тип не вполне подходит для ситуаций на постсоветском пространстве, где территориальное распределение языков, их социальная и политическая история имеют принципиально иную природу в силу автохтонного характера ряда языков, их иного типа стандартизации, иного типа территориального распределения (смешанного в городах и диффузного в сельской местности).

Бельгия является примером лингвистической федерализации. В стране говорят на трех официальных языках: нидерландском, французском и немецком, каждый из которых доминирует в своем регионе. Это в свою очередь формирует три языковые сообщества: фламандское, французское и немецкоязычное соответственно. Брюссель — единственный двуязычный регион, где сталкиваются интересы фламандского и франкоязычного сообществ. Как отмечает П. Бурдьё, такие ситуации создают «символический рынок» (Bourdieu, 1991), на котором язык становится капиталом, определяющим социальную мобильность и принадлежность к определенной группе. Исследования указывают на то, что в Бельгии социальный билингвизм чаще всего не означает полноценное двуязычие индивида, а представляет собой институциональное сосуществование языков на своих исторических территориях (May, 2012). Опыт языковой политики Бельгии, прошедшей в середине XX в. через серию тяжелых языковых конфликтов, которые и привели к становлению и упрочению в начале 1980-х гг. существующей модели языковой политики, также не в полной мере может быть использован Республикой Казахстан. Бельгийская языковая ситуация качественно иная. В Валлонии (южные регионы страны) французский язык широко используется как в официальных и публичных, так и в ситуациях частного общения. Тем не менее, заметную роль в неформальных коммуникативных ситуациях продолжает играть валлонский — автохтонный идиом Бельгии, а также такие трансграничные идиомы, как шампанский, лорренский, пикардский, считавшиеся диалектами французского языка, но сейчас признанные в качестве самостоятельных региональных языков Франции. Фламандский язык является, фактически, единственным средством коммуникации в северных районах страны, где публичное использование французского тем не менее регламентировано законодательно. Еще одна особенность фламандского языка состоит в том, что его стандартным вариантом фактически служит нидерландский. Таким образом, на территории Бельгии в качестве стандартных (литературных) языков используются два экзогенных варианта, являющихся языками-крышами (термин Х. Клосса) для эндогенных не стандартизованных идиомов.

Сравнительный анализ языковых ситуаций в трех регионах выявляет их существенные различия по целому ряду параметров: территориальное распре-

деление, экзогенный/эндогенный характер, тип стандартизации. Вместе с тем следует отметить и общий принцип: билингвизм устойчив там, где он поддерживается на институциональном уровне и сопровождается признанием культурной специфики языковых групп. Это обеспечивается грамотной языковой политикой, предупреждающей развитие билингвальных и мультилингвальных языковых ситуаций в векторах языкового сдвига или конфликта.

Заключение

Билингвизм и языковая идентичность в поликультурной среде представляют собой многогранное и динамичное явление, отражающее сложное взаимодействие между языковыми практиками, институциональной политикой и личностными стратегиями самоидентификации. Проведенный макросоциолингвистический анализ показал, что билингвизм выходит далеко за рамки лингвистической компетенции, становясь важным социальным и культурным ресурсом в условиях глобализирующегося мира.

На примерах Казахстана, Канады и Бельгии прослеживается различие в подходах к языковому регулированию, а также сходство в стремлении сохранить языковое многообразие как основу устойчивого социокультурного развития. В Казахстане билингвизм выступает инструментом национального единства и модернизации, в Канаде — проявлением равенства и федерализма, в Бельгии — условием сохранения политического баланса между регионами. Несмотря на различия в политических моделях, во всех трех странах язык играет ключевую роль в формировании идентичности и доступа к социальным благам.

Результаты исследования подчеркивают необходимость гибкой и инклюзивной языковой политики, учитывающей не только этническую принадлежность, но и реальные языковые практики граждан. Устойчивость билингвальных практик зависит от системной поддержки в сферах образования, медиа, семейного воспитания и межэтнического диалога. Особое значение имеет вовлечение самих носителей в процессы языкового планирования и признание многоязычия как культурной нормы, а не исключения.

Таким образом, билингвизм должен рассматриваться как ресурс, а не проблема, как условие активного гражданства, межкультурного взаимодействия и социальной интеграции в современном обществе.

Список литературы

- Алюнина Ю.М. Проекты «Википедии» как практики ревитализации и поддержки языков народов России // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2023. Т. 1. № 1. С. 14–42. <https://doi.org/10.22363/2949-5997-2023-1-1-14-42> EDN: RXWNVK
- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 439 с. EDN: PWFALV

- Косова М.В., Тоназ А.И. Системообразующие признаки делового и административного дискурсов // Термины в коммуникативном пространстве : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием «Современные проблемы экологии языка» (10 февраля 2017) / отв. ред. С.И. Маджаева. Астрахань : Изд-во Астраханского ГМУ, 2017. С. 130–136. EDN: YNOHFV
- Пак А.В., Демченко А.С. Модернизация терминосистемы в области высшего образования в Казахстане как пример корпусного планирования // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2023. Т. 1. № 1. С. 101–117. <https://doi.org/10.22363/2949-5997-2023-1-1-101-117> EDN: SNXLQL
- Сейтхадырова А.С., Султанбекова А.С. Роль билингвизма в переводческой деятельности // *Наука и мир*. 2015. № 2–2 (18). С. 80–82. EDN: TIOPUD
- Шанский Н.М., Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю., Иванов В.В. Современный русский язык. М. : Просвещение, 1987. 192 с.
- Androutsopoulos J. Language choice and code switching in German-based diasporic web forums // *The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online* / eds. B. Danet, S.C. Herring. Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 340–361. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195304794.003.0015>
- Bailey B. Heteroglossia and Boundaries // *Bilingualism: A Social Approach* / ed. M. Heller. London : Palgrave Macmillan. 2007. P. 257–274. https://doi.org/10.1057/9780230596047_12
- Barth F. *Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference*. Boston : Little, Brown and Co, 1969. 153 p.
- Bourdieu P. *Language and symbolic power*. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1991. 302 p.
- Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Harvard : Harvard University Press, 2006. 296 p.
- Butler Y.G., Hakuta K. Bilingualism and second language acquisition // *The Handbook of Bilingualism* / eds. T.K. Bhatia, W.C. Ritchie. Oxford : Blackwell Publishing, 2006. P. 114–145.
- Calvet L.-J. *Les politiques linguistiques*. Paris : PUF, 2018. 234 p.
- Edwards J. Foundations of Bilingualism // *The Handbook of Bilingualism* / eds. T.K. Bhatia, W.C. Ritchie, Oxford : Blackwell Publishing, 2006. P. 7–31.
- Fishman J. *Reversing Language Shift: Theory and Practice of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon : Multilingual Matters, 1991. 431 p.
- Questions of Cultural Identity / eds. S. Hall, P. du Gay. New York : Sage, 1996. 208 p.
- Investigating obsolescence: studies in language contraction and death / ed. N. Dorian. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. p. 445.
- Labrie N. *La construction linguistique de la Communauté européenne*. Paris : Champion, 1993. 450 p.
- May S. *Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. New York : Routledge, 2012. 448 p. <https://doi.org/10.4324/9780203832547> EDN: UWFHDR
- Moskvitcheva S., Abdullayev R. Vectors and key factors of the dynamics of languages in the secondary education system in the Republic of Azerbaijan in 1990–2020 // *International e-Journal of Advanced in Education*. 2021. Vol. 6. № 18. P. 365–372. <https://doi.org/10.18768/ijaedu.819371> EDN: OBILMU
- Saint-Robert de M.-J. *La politique de la langue française*. Paris : PUF, 2016. 287 p.
- Smagulova J. Language policies of Kazakhization and their influence on language attitudes and use // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2008. Vol. 11. № 3–4. P. 440–475. <https://doi.org/10.1080/13670050802148798> EDN: RATQRR
- Spolsky B. *Language Policy*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 250 p.

References

- Alyunina, Y.M. (2023). Wikipedia projects as a practice of revitalization and support of the languages of the peoples of Russia. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 1(1), 14–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2949-5997-2023-1-1-14-42> EDN: RXWNVK
- Androutsopoulos, J. (2017). Language choice and code switching in German-based diasporic web forums. In B. Danet, S.C. Herring (Eds.). *The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online* (pp. 340–361). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195304794.003.0015>
- Bailey, B. (2007). Heteroglossia and boundaries. In M. Heller (Ed.). *Bilingualism: a Social Approach* (pp. 257–274). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230596047_12
- Barth, F. (1969). *Ethnic groups and boundaries: The social organization of cultural difference*. Little, Brown and Co.
- Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001). *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet publ. (In Russ.). EDN: PWFALV
- Bourdieu, P. (1991). *Language and Symbolic Power*. Harvard University Press.

- Brubaker, R. (2006). *Ethnicity without Groups*. Harvard University Press.
- Butler, Y.G., & Hakuta, K. (2006). Bilingualism and Second Language Acquisition. In T.K. Bhatia, W.C. Ritchie (Eds.). *The Handbook of Bilingualism* (pp. 114–145). Blackwell Publishing.
- Calvet, L.-J. (2018). *Les politiques linguistiques*. PUF.
- Edwards, J. (2006). Foundations of bilingualism. In T.K. Bhatia, & W.C. Ritchie (Eds.). *The Handbook of Bilingualism* (pp. 7–31). Blackwell Publishing.
- Fishman, J. (1991). *Reversing Language Shift: Theory and Practice of Assistance to Threatened Languages*. Multilingual Matters.
- Hall, S., & Gay, P. du (Eds.). (1996). *Questions of Cultural Identity*. Sage.
- Dorian, N. (Ed.). (1989). *Investigating obsolescence: studies in language contraction and death*. Cambridge University Press.
- Kosova, M.V., & Topaz, A.I. (2017). System features of business and administrative discourses [Sistemoobrazuyushchie priznaki delovogo i administrativnogo diskursov]. In S.I. Madzhaeva (Ed.). *Terms in the Communicative Space: Materials of the Scientific and Practical Conference with International Participation «Modern Problems of Language Ecology»* (pp. 130–136). Astrakhan State Medical University. (In Russ.). EDN: YNOHFV
- Labrie, N. (1993). *La construction linguistique de la Communauté européenne*. Champion.
- May, S. (2012). *Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203832547>.
- Moskvitcheva, S., & Abdullayev, R. (2020). Vectors and key factors of the dynamics of languages in the secondary education system in the Republic of Azerbaijan in 1990–2020. *International e-Journal of Advanced in Education*, 6(18), 365–372. <https://doi.org/10.18768/ijaedu.819371>
- Pak, A.V., & Demchenko, A.S. (2023). Modernization of terminological system in the field of higher education in Kazakhstan as an example of corpus planning. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 1(1), 101–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2949-5997-2023-1-1-101-117> EDN: SNXLQL
- Saint-Robert de, M.-J. (2016). *La politique de la langue française*. PUF.
- SeytkhadYROVA, A.S., & Sultanbekova, A.S. (2015). Bilingualism role in translation activity. *Science and World*, (2–2), 80–82. (In Russ.). EDN: TIOPUD
- Shanskii, N.M., Babaitseva, V.V., Maksimov, L.Yu., & Ivanov, V.V. (1987). *Sovremennyi russkii yazyk* [Modern Russian Language]. Moscow: Prosveshchenie publ. (In Russ.).
- Smagulova, J. (2008). Language policies of Kazakhization and their influence on language attitudes and use. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 11(3–4), 440–475. <https://doi.org/10.1080/13670050802148798>
- Spolsky, B. (2004). *Language Police*. Cambridge University Press.

Об авторе:

БАЯНБАЕВА Жадыра Амангельдиевна, старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, 050040, Алматы, проспект Аль-фараби, д. 71. *Научные интересы:* теория литературы, методика преподавания русского языка и литературы, сравнительно-сопоставительное языкознание. *E-mail:* bayanbaevazhadra@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1710-0791

SPIN-код: 8414-9934

Scopus Author ID: 57203212459

Bionote:

ZhadYra A. BAYANBAYEVA, senior lecturer at the Department of Russian Philology and World Literature at the Kazakh National University named after Al-Farabi, 71 al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan. *Research interests:* literary theory, methods of teaching Russian language and literature, comparative linguistics.

E-mail: bayanbaevazhadra@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1710-0791

SPIN-code: 8414-9934

Scopus Author ID: 57203212459

DOI: 10.22363/2949-5997-2025-3-1-19-33

EDN: AWQANO

Научная статья / Research article

Языковая идентичность Колумбии: социальные образы диалектов испанского языка

Яндира Хулиана КАМАРГО БОСИГА

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 andirakamargo@gmail.com

Аннотация. Колумбийский вариант испанского языка анализируется через призму социальных образов региональных диалектов, формирующих национальную языковую идентичность. В качестве материала исследования послужили данные, полученные от 62 носителей колумбийского варианта испанского языка. Выявлены ключевые параметры формирования этой региональной идентичности. Показатели свидетельствуют о высоком уровне идентификации колумбизмов (80,3 %) и сильной поддержке идеи сохранения диалектов (88,7 %). Уникальность колумбийского испанского артикулируется респондентами через его акцент, лексику и статус культурного достояния (70,5 %). Проанализированы социальные факторы, определяющие витальность и символические функции колумбизмов: статус идиома, его роль в престижных дискурсах (в т.ч. образовательном) и повседневном общении. Параллельно рассмотрена вариативность языковых единиц как ключевой ресурс конструирования региональной идентичности. Результаты подчеркнули динамизм колумбийского испанского, который, адаптируясь к современным вызовам, сохраняет свою роль фундаментального элемента национальной культуры.

Ключевые слова: колумбийский испанский, колумбизмы, вариант языка, культурное наследие, социолингвистика, репрезентации языка, языковые аттитуды

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 15 мая 2024; принята в печать 26 октября 2024.

Для цитирования: Камарго Босига Я.Х. Языковая идентичность Колумбии: социальные образы диалектов испанского языка // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2025. Т. 3. № 1. С. 19–33. <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-19-33> EDN: AWQANO

© Камарго Босига Я.Х., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Colombian language identity: Social images of Spanish dialects

Yandira Juliana CAMARGO BOSIGA

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ andirakamargo@gmail.com

Abstract. The Colombian variety of the Spanish language is analyzed through the lens of social representations of regional dialects that shape national linguistic identity. The study utilized data obtained from 62 native speakers of the Colombian Spanish variety, revealing key parameters in the formation of this identity. Indicators reveal a high level of identification with Colombianisms (80.3%) and strong support for preserving dialects (88.7%). The uniqueness of Colombian Spanish is articulated by respondents through its accent, lexicon, and status as a cultural asset (70.5%). The study analyzes social factors determining the vitality and symbolic functions of Colombianisms: the idiom's status, its role in prestigious discourses (including educational ones), and its use in everyday communication. In parallel, the variability of linguistic units is considered as a key resource for constructing regional identity. The results underscore the dynamism of Colombian Spanish, which, while adapting to contemporary challenges, maintains its role as a fundamental element of national culture.

Key words: Colombian Spanish, Colombianisms, variety of language, cultural heritage, sociolinguistics, linguistic representations, linguistic attitudes

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: received: 15 May 2024; accepted: 26 October 2024.

For citation: Camargo Bosiga, Y.J. (2025). Colombian language identity: Social images of Spanish dialects. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 3(1), 19–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-19-33> EDN: AWQANO

Введение

Колумбийский вариант испанского языка — уникальный феномен, отражающий культурное, историческое и географическое богатство страны. От идиомов Карибского побережья, воспринимаемых носителями языка как мелодичные, до варианта Боготы, произношение которого оценивается его носителями как четкое, язык Колумбии представляет собой мозаику диалектов, фонетические и лексические особенности которых сформированы веками взаимодействия испанского языка и языков коренных народов. Сильное влияние также оказали

современные процессы глобализации, одним из следствий которых является унификация смысловой и формальной сторон языка. Методы социолингвистики, изучающей язык через призму влияния экстралингвистических социальных факторов, позволяют подойти к решению вопроса о том, как колумбийцы воспринимают свой вариант испанского, какие именно факторы формируют их языковую идентичность и как культурное наследие сосуществует с вызовами глобализации.

Языковые изменения, которые испытывает колумбийский испанский, вызваны процессами внутренней и внешней миграции, распространением цифровизации и новых медиа, что, среди прочего, приводит к росту англицизмов и стереотипизации языка под влиянием массовой культуры. Данные тенденции порождают споры о сохранении диалектов и связанных с ними идентичностей. Вместе с тем язык остается творческим и созидательным инструментом, соединяющим традиции с инновациями, что находит отражение в текстах разных жанров от фольклорных до комментариев в социальных сетях.

Цель исследования — анализ репрезентаций языка через призму восприятия колумбийцами как национального, так и региональных вариантов испанского языка и их оценке роли диалектов (локальных вариантов) в качестве культурного наследия. Исследование отвечает на вопросы: осознают ли колумбийцы уникальность своего национального языка в целом и его региональных вариантов и если да, то как именно; какие социальные и культурные факторы формируют языковую идентичность; как глобализация и традиции взаимодействуют в сознании носителей колумбийского варианта.

Методология исследования

В методологическом плане мы опирались на алгоритм исследования репрезентаций языка, предложенный в работе С.А. Москвичевой, О.И. Александровой, Ю.Н. Эбзеевой (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022). Эмпирическая часть исследования основана на социолингвистическом опросе 62 респондентов в основном из Андского региона Колумбии (93,2 %), включая крупные города, такие как Богота и Медельин. Выборку преимущественно составили представители урбанизированного населения, имеющие доступ к Интернету. Это объясняет ограниченную представленность периферийных зон страны, а именно Карибского побережья (5,1 % от общего числа опрошенных), Амазонского региона (1,7 %). Восточные равнины (0 %) и Тихоокеанский регион (0 %) в исследовании не представлены. Это смещение обусловлено цифровым форматом опроса, проведенного через онлайн-платформу, что и исключило из него технически

менее оснащенные и в этом смысле менее активные сельские сообщества. Исследование проводилось в феврале и марте 2024 г.

Специально разработанная анкета включала 28 вопросов, в том числе 24 закрытых (с вариантами ответов для процентного распределения) и 4 открытых, что позволило собрать как количественные, так и качественные данные по исследуемой проблеме. Вопросы охватывали знание так называемых лексических «колумбизмов» — слов и выражений, характерных для колумбийского варианта языка, использование диалектов, влияние культуры, технологий, миграции и социальных факторов на язык. Примеры вопросов: «Знаете ли вы, что такое колумбизмы?» (80,3 % ответили «да»), «Поддерживаете ли вы сохранение диалектов?» (88,7 % поддерживают), «Влияют ли технологии на язык?» (98,1 % утвердительных ответов). Открытые вопросы, такие как «Что делает колумбийский испанский уникальным?», предоставили субъективные перечни составляющих языковой идентичности.

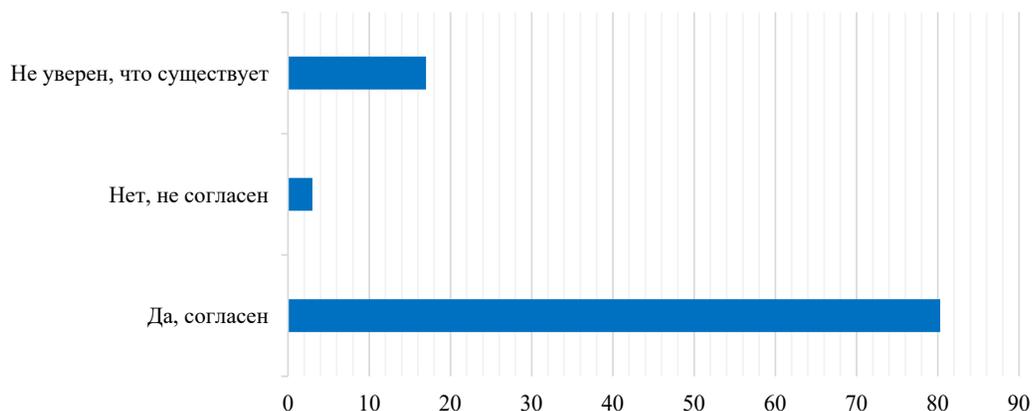
Данные анализировались с использованием статистических методов подсчета процентного распределения и качественного анализа для социолингвистической интерпретации. Статистическая обработка выявила ключевые тенденции, например, высокую поддержку диалектов или поляризацию в отношении англицизмов (47,5 % нейтральны). Качественный анализ позволил объяснить причины этих тенденций, включая роль образования и медиа.

Ограничения, связанные с методологией исследования, включают низкую представленность периферийных регионов и носителей языков коренных народов (3,3 %), что ограничивает выводы о сельских и этнических сообществах. Выборка также не сбалансирована по возрасту и социальным группам, что может исказить восприятие языковых изменений, особенно среди молодежи, более открытой к англицизмам. Для повышения достоверности данные сопоставлялись с существующими исследованиями колумбийского испанского, что позволило контекстуализировать результаты в рамках социолингвистической теории¹.

Языковая идентичность и колумбизмы

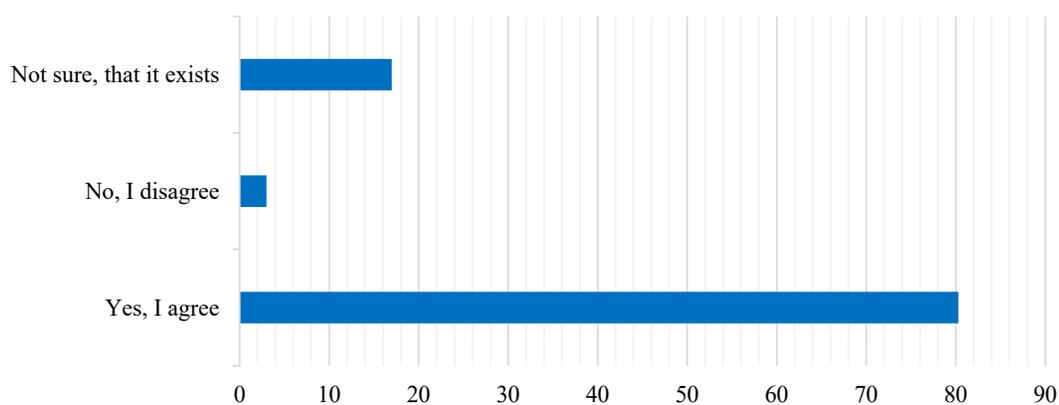
Национальный колумбийский вариант испанского языка (колумбийский испанский) воспринимается его носителями как уникальная система, тесно связанная с национальной и региональной идентичностью. На рис. 1 приведены ответы на вопрос анкеты о том, считают ли колумбийцы свой вариант языка особенным и отличным от других вариантов испанского.

¹ Чеснокова О.С. Основы лексикологии испанского языка: теория и практика: на испанском языке. М. : МГИМО-Университет, 2021. С. 79. EDN: UKENXU

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос
«Согласны ли вы с тем, что существует колумбийский испанский язык?»

Источник: выполнила Х.Я. Камарго Босига.

Fig. 1. The distribution of responses to the question
“Do you agree that there is a Colombian Spanish language?”

Source: compiled by J.Y. Camargo Bosiga.

Опрос показал, что 80,3 % респондентов согласны с тем, что колумбийский испанский представляет собой особый вариант испанского языка. Респонденты также подтвердили знание колумбизмов. Наиболее популярные из них *chévere* ‘круто, классно’ (82 % опрошенных отметили эту лексему как важную и часто используемую), *qué más* ‘как дела’ (73,8 %), *vasano/a* ‘хороший, подходящий’ (62,3 %) и *sapo/a* ‘сплетник/-ца’ (62,3 %) отражают неформальный аспект коммуникации, позитивную эмоциональность и коммуникативную открытость. Эти качества позволяют им выполнять функцию маркеров национального самосознания. Например, *chévere*, означающее ‘круто, классно, отлично’ является универсальным выражением, которое прочно ассоциируется с колумбийской

культурой и используется в самых разных контекстах: от дружеских бесед до текстов песен разного жанра.

Менее распространены такие колумбизмы как *chuspa* ‘маленькая сумочка, обычно используют как кошелек’ (8,2 %), *jincho/a* ‘пьяный/-ая’ (24,6 %) или *berraquera* ‘упорство, смелость’ (34,4 %). Как правило, они указывают на региональную или же контекстную (ситуативную) специфику акта коммуникации. *Chuspa* чаще встречается в сельских сообществах Андского региона, где сохраняются традиционные практики. Относительно низкая популярность лексемы *jincho/a* объясняется, по-видимому, ее конкуренцией с другими синонимами. Слово *parcero/a* ‘братан’ (49,2 %), несмотря на его широкую, практически международную, известность благодаря реггетону и сериалам, все же уступает по популярности лексеме *chévere* (Синицына, 2018б: 388).

Креативный потенциал колумбийского испанского проявляется в гибкости колумбизмов, которые легко адаптируются к различным социальным и культурным контекстам. Например, *¿Qué más?* используется как приветствие (Как дела?), но в зависимости от интонации может выражать иронию, удивление или дружескую подначку. В поп-культуре колумбизмы активно применяются в текстах песен. Один из наиболее известных латиноамериканских исполнителей Джей Бальвин часто использует лексемы *chévere* и *chimba* в реггетоне. Колумбизмы используются в сериалах, например, в таком популярном в Колумбии сериале как «Yo soy Betty, la fea» (1999 г.), где диалоги персонажей насыщены локальной лексикой. Эта способность языка обеспечить потребность самовыражения, тем более что колумбизмы присутствуют в социально престижных текстах, укрепляет национальную гордость и демонстрирует динамичность развития колумбийского варианта испанского языка.

Вместе с тем наш опрос показал, что 16,4 % респондентов не уверены в существовании колумбизмов как особых единиц испанского языка, а 3,3 % их не знают. Это может быть связано с интуитивно-спонтанным использованием лексики без осмысления или же лингвистического осознания, что особенно характерно для среды менее образованных групп или мигрантов, недавно прибывших в Колумбию. Например, венесуэльские мигранты могут использовать схожие выражения, такие как *chévere*, но не идентифицировать их как колумбизмы, что и создает разрыв между практикой и рефлексией. Такие данные указывают на необходимость образовательных программ, популяризирующих знания о языковых особенностях национальных вариантов испанского языка (Тарнаева, Никульникова, 2022: 98).

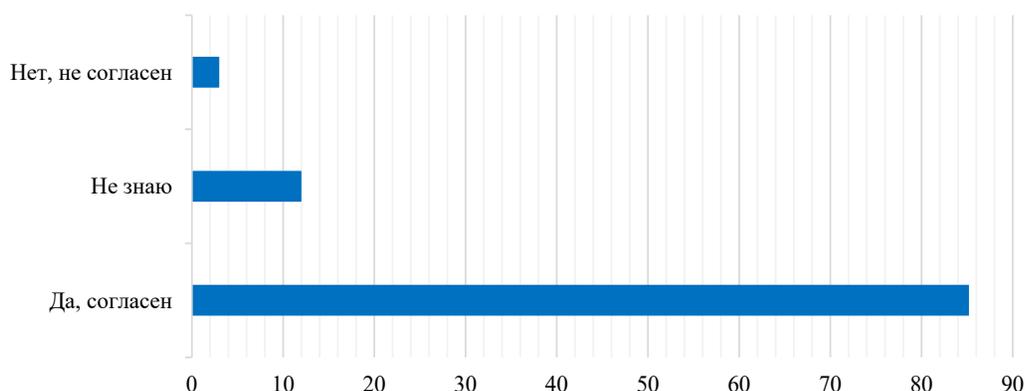
Колумбизмы также отражают социокультурные ценности колумбийцев. Например, *sapo/a* ‘сплетник/ца’ (62,3 %) подчеркивает важность концепта «лич-

ное пространство» в коммуникативной культуре Колумбии, где вмешательство в чужие дела осуждается. Термины, связанные с алкоголем, такие как *pola* ‘пиво’ (60,7 %) и *guaro* ‘агуардьенте, самогон’ (52,5 %), указывают на социального значение употребления алкоголя в колумбийской традиции, особенно во время праздников и карнавалов. Эти слова не только обогащают лексику, но и создают эмоциональную связь между носителями, усиливая чувство принадлежности к национальной культуре.

Высокая осведомленность о колумбизмах (80,3 %) свидетельствует также о роли образования, СМИ и поп-культуры в формировании языковой рефлексии. Например, школьные программы и сериалы, такие как «El Cartel de los Sapos» (2008 г.), популяризируют колумбизмы, делая их частью национального дискурса. Однако неуверенность части респондентов (16,4 %) в том, что они осознают определенные лексемы как колумбизмы, подчеркивает разрыв между повседневным использованием языка и его лингвистическим осмыслением, что открывает перспективы для дальнейших исследований языковой идентичности (Чеснокова, 2021: 42).

Диалекты и региональное разнообразие

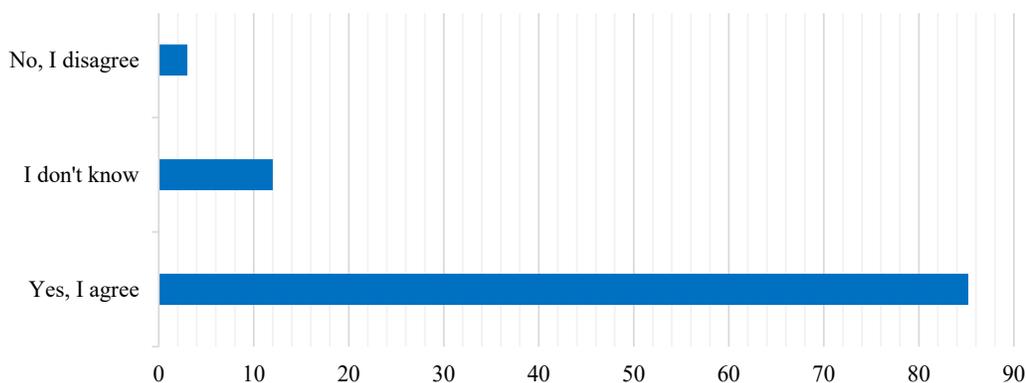
Региональные диалекты национального колумбийского варианта испанского языка играют центральную роль в языковом ландшафте Колумбии, отражая ее географическое, историческое и культурное разнообразие. На рис. 2 показаны ответы на вопрос о существовании региональных различий в колумбийском испанском.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос

«Согласны ли вы с тем, что существуют региональные диалекты колумбийского испанского?»

Источник: выполнила Х.Я. Камарго Босига.

Fig. 2. The distribution of responses to the question
 “Do you think that there are regional dialects of Colombian Spanish?”

Source: compiled by J.Y. Camargo Bosiga.

Опрос показал, что 85,2 % респондентов признают существование различных диалектов национального колумбийского варианта испанского языка и только 3,3 % считают, что диалектные различия не существенны. Подавляющее большинство респондентов (88,7 %) поддерживают сохранение территориальной вариативности, что подчеркивает высокую ценность диалектов как языкового богатства и части национальной идентичности. Наиболее узнаваемым диалектом является диалект Боготы *roló* (42,6 % респондентов отметили его значимость в коммуникативном пространстве Колумбии). Высокая узнаваемость и значимость *roló* связана с престижем идиома столицы, доминированием Боготы в медиа и восприятием ее речи как «стандартной» или «нейтральной». *Paisa* (32,8 %), диалект Антиокии, одного из северо-западных департаментов страны, ассоциируется с экономической и культурной значимостью Медельина, второго по величине города Колумбии. Узнаваемость и значимость диалекта карибского региона *costeño* (16,4 %) конструируется вокруг яркой музыкальной и праздничной культуры побережья, воплощенной в валленато и карнавалах².

Различия между диалектами, например, между диалектами Боготы и Картахены, осознаются 75,4 % респондентами, которые отмечают расхождения в акцентах, лексике и скорости речи. С теоретической точки зрения речь здесь идет о репрезентации языка, иными словами, о социальных представлениях о том или ином идиоме (Abric, 1994; Jodelet, 1989; Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022). Представления, связанные с Боготским *roló* характеризуют его как вариант с четкой артикуляцией согласных, нейтральным произношением и размеренным темпом, что делает его предпочтительным для национального телевидения и образовательных программ. Например, в новостных передачах

² Garrido M. Language attitude in Colombian Spanish: Cachacos vs. Costeños // LL Journal. 2007. URL: <https://lljournal.commons.gc.cuny.edu/2007-2-garrido-texto/> (дата обращения: 23.03.2024).

ведущие часто используют *rolo* для обеспечения всеобщего понимания. В отличие от него, карибский *costeño* отличается смягчением и редукцией конечных согласных (например, *amigos* произносится как *amigo*), открытыми гласными и музыкальной интонацией, что придает речи живость и эмоциональность. Эти фонетические особенности дополняются лексическими различиями: в Боготе популярно вежливое обращение *sumercé* ‘ваше милосердие’, тогда как в Картахене чаще используют *chévere* — ‘круто’ вместо *bacano* — ‘классно’³.

Креативность диалектов проявляется в их способности отражать локальные реалии и социокультурные ценности. Например, лексика диалекта *costeño* часто связана с гедонистическими аспектами культуры. Как важные социокультурные реалии респонденты отметили такие лексемы данного диалекта как *rumbear* (52,5 %) ‘тусить’ и *chimba* (57,4 %) ‘потрясающий’, подчеркивающие праздничный дух Карибского побережья, где карнавалы и музыка играют одну из центральных ролей в формировании региональной и языковой идентичности. В то же время диалект *paisa* включает термины, связанные с трудом и упорством, такие как *camellar* (44,3 %) — ‘пахать’ или *berraquera* (34,4 %) — ‘смелость’, что отражает экономическую активность и предпринимательский дух Антиокии. Эти различия не только маркируют региональную принадлежность, но и служат средством самовыражения, позволяя колумбийцам подчеркивать свою идентичность через язык.

Поддержка идеи важности сохранения диалектов (88,7 % опрошенных) указывает на стремление колумбийцев сохранить культурное разнообразие, несмотря на унифицирующее влияние глобализации и национальных СМИ. Вместе с тем наш опрос показывает, что 11,5 % респондентов не уверены в существовании каких-то особых диалектов национального колумбийского варианта испанского языка (см. рис. 2), что может быть связано с ограниченным межрегиональным общением и доминированием *rolo* в публичной сфере. Например, боготский акцент часто воспринимается как «правильный», что снижает внимание к периферийным диалектам, таким как, например, *pastuso* (1,6 %), диалект западной провинции Нариньо, который редко появляется в медиапространстве. Это подчеркивает необходимость образовательных инициатив, популяризирующих диалектное разнообразие как часть национального наследия (Чеснокова, 2021).

Вопрос о факторах и причинах формирования диалектов колумбийского испанского показал, что респонденты считают диалектное разнообразие результатом комплекса причин, основными из которых являются география региона (36,1 %), его история (34,4 %), влияние языков и культур коренных народов (19,7 %) Колумбии, экономическое положение (10 %). Географическая изоляция регионов, например, таких как Анды, Амазония или Карибское побережье, способствует формированию локальных языковых особенностей. Так, карибский диалект испытал влияние афроколумбийских сообществ, что прояв-

³ Чеснокова О.С., Радович М., Талавера Ибарра П.Л. Словарь персоналий Тихоокеанского Альянса = Diccionario de personalidades de la Alianza del Pacífico. М. : РУДН, 2020. С. 86. EDN: WSRSFx

ляется в ритмичности речи и заимствованиях, типа *cumbia* ‘кумбия’ или *totumo* ‘тотумо’ (43,3 %). Исторически колониальное прошлое и миграции добавили лексические и фонетические вариации, что делает колумбийский испанский уникальным примером языковой диверсификации (Moñino, Schwegler, 2002: 205).

Социолингвистический анализ диалектов позволяет выявить иерархии в их восприятии. В качестве примера можно привести диалект *roló*, который часто ассоциируется с престижем и образованностью, тогда как диалект *costeño* иногда стигматизируется как «менее правильный» из-за его неформальности. Эти стереотипы отражают социальные и культурные динамики, где язык становится маркером не только региональной, но и социальной идентичности.

Культурное наследие и литературное творчество

Культурное наследие автохтонных народов Колумбии глубоко интегрировано в ее язык. Большинство респондентов (70,5 %) видит уникальность колумбийского испанского в сочетании различных факторов, среди которых и влияние языков и культур автохтонных народов. Заимствования из языков коренных народов составляют значимую часть лексики, демонстрирует живое наследие муисков, кечуа, карибских и других этносов. Наиболее распространенные термины — *ajíaco* ‘ахиако’⁴ (85 %), *cumbia* ‘кумбия’⁵ (81,7 %), *canasto* ‘корзина’ (81,7 %) и *mochila* ‘мочила’⁶ (75 %) — связаны с кулинарией, ремеслами и культурой, что указывает на устойчивость этих лексических пластов в повседневной жизни (Созина, 2020: 155).

Музыка, литература и традиции играют ключевую роль в сохранении и развитии языковых особенностей. Опрос подтвердил, что 88,5 % респондентов знакомы с фольклором, отражающим диалектные черты, что подчеркивает значение устной традиции в передаче языка. Например, жанр валленато, зародившийся на Карибском побережье, популяризирует лексику, такую как *parranda* ‘вечеринка’ или *jibaro* ‘крестьянин’, передавая местный колорит и эмоциональность. Тексты валленато, исполняемые такими артистами, как Карлос Вивес, часто включают диалектные выражения, что делает их доступными широкой аудитории и усиливает престиж и культурную значимость карибского диалекта.

Латиноамериканская литература, жанр магического реализма в целом, и всемирно известные произведения Габриэля Гарсиа Маркеса в частности, вносят огромный вклад в формирование престижа колумбийского варианта испанского языка, но также и языковой, и культурной идентичности. В своих романах, таких как «Сто лет одиночества» (1967 г.), Маркес использует народные

⁴ Название традиционного колумбийского супа.

⁵ Колумбийский музыкальный и танцевальный стиль.

⁶ Традиционная сумка-мешок в Колумбии.

выражения и метафоры, основанные на карибской и андской речи, что придает текстам уникальный лингвистический стиль. Слово *macondiano* ‘макондианский’, происходящее из его произведений, стало международным термином для описания колумбийской культурной эстетики, в которой сочетаются мифология и повседневность. Эта способность литературы обогащать язык новыми смыслами демонстрирует творческий потенциал колумбийского испанского, который выходит за рамки утилитарной коммуникации (Чеснокова, 2012: 112).

Творческий потенциал колумбийского испанского проявляется также в адаптации названий культурных реалий народов и этнических групп Колумбии к современным контекстам, что иллюстрируется словом *cumbia* ‘кумбия’⁷, которое эволюционировало от названия этнической музыки до глобального культурного феномена. Аналогично, кулинарные термины, такие как *ajiaco* ‘ахиако’ (85 % отметили это слово как известное и важное) или *cuchuco* ‘кучуко’ (70 % положительных ответов), остаются устойчивыми благодаря их связи с национальной кухней и семейными традициями. Эти слова часто используются в рекламе, кулинарных шоу и туристических маршрутов, что усиливает их культурную значимость и способствует сохранению.

Фольклор, включая традиционные песни, стихи и рассказы, служит мощным механизмом сохранения диалектов, особенно в сельских регионах. Так, в Антиокии фольклорные повествования часто используют лексику *paisa*, такие слова как *berraquera* ‘упорство, смелость’ или *camellar* ‘пахать, тяжело работать’, что укрепляет региональную идентичность. На Карибском побережье сказки и песни включают выражения *costeño*, такие как *rumbear* ‘веселиться, ходить на вечеринки’ или *totumo* ‘тотумо’⁸, что помогает передавать диалектные черты новым поколениям (Тарнаева, Никульникова, 2022: 102).

Культурное наследие поддерживается через карнавалы и фестивали, такие как Карнавал де Барранкилья, где диалектные особенности и колумбизмы типа *chévere* или *rumbear*, становятся частью публичного дискурса. Эти события не только сохраняют архаизмы, но и адаптируют их к современным реалиям, делая язык живым и динамичным. Например, во время карнавала лексика диалекта *costeño* активно используется в песнях и театральных постановках, что способствует ее популяризации среди молодежи и туристов, а следовательно, повышает престиж диалекта и укрепляет специфику колумбийского испанского в целом.

Социальная стратификация в условиях глобализации и технологического прогресса

Колумбийский испанский находится под значительным влиянием процессов глобализации, что вызывает как энтузиазм, так и обеспокоенность

⁷ Традиционный суп индейской кухни, популярный в Колумбии.

⁸ Название плодов калебасового дерева, которое произрастает в Центральной и Южной Америке.

среди его носителей. Наш опрос показал, что 98,1 % респондентов признают существенное воздействие современных технологий, таких как социальные сети и мессенджеры, на язык. Это проявляется в широком использовании англицизмов (*tuitear, likear, postear*), упрощении грамматики (например, пропуск заглавных букв или знаков препинания в сообщениях типа *Hola, cómo estás*, а также изменении стиля общения, при котором письменная речь приобретает черты, свойственные устным формам коммуникации (*andapues* вместо *andapues*). Эти изменения особенно заметны среди молодежи, которая активно использует эмодзи, стикеры и сленг, заимствованный из англоязычных платформ (Lipski, 2018).

Отношение к англицизмам поляризовано: 47,5 % респондентов нейтральны, 29,5 % поддерживают их как естественную часть языковой эволюции, а 23 % выступают против, считая их угрозой культурной идентичности. Негативное отношение чаще встречается среди старшего поколения или жителей сельских регионов, где традиционные нормы речи ценятся выше. Например, использование слова *marketing* вместо испанского *mercadeo* может восприниматься как культурная зависимость или утрата языковой чистоты. В то же время нейтральное большинство указывает на глубокую интеграцию англицизмов в повседневную практику, особенно в ИТ-технологии, бизнес и поп-культуру, где такие слова как *streaming* или *hashtag*, стали нормой (Синицына, 2018а: 97).

Социальные факторы играют ключевую роль как в появлении, так и в оценке языковой вариативности. Согласно нашему исследованию, 75,4 % респондентов считают, что социальный статус влияет на речь, а 85 % связывают языковые особенности с уровнем образования. Образованные носители чаще используют формальную лексику, стандартное произношение и англицизмы, тогда как менее образованные группы склонны к просторечиям и диалектным формам. Различия между городскими и сельскими жителями замечают 96,8 %, что подтверждает географическую и социальную стратификацию языка. Городская речь, особенно в Боготе, тяготеет к стандарту и глобальным тенденциям, включая англицизмы, тогда как сельская сохраняет архаизмы и диалектные термины, такие как *guadua* ‘гуадуа’⁹ (50 %) или *totumo* ‘тотумо’ (43,3 %), связанные с традиционными ремеслами и сельским хозяйством.

Миграция, как внутренняя, так и внешняя, воспринимается неоднозначно. 44,3 % респондентов нейтральны, 32,8 % видят угрозу традициям, а 23 % отмечают положительное влияние, например обогащение лексики за счет венесуэльских мигрантов в приграничных регионах, таких как Кукута. Венесуэльское слово *chévere* усиливает его употребление в Колумбии, но вызывает сопротивление среди тех, кто боится «размывания» национальных норм. Эта поляризация

⁹ Вид бамбука, произрастающего в Южной Америке.

отражает более глубокие социальные разногласия, где язык становится ареной борьбы между глобализацией и локальной идентичностью (Чеснокова, 2021: 52).

Устойчивость колумбийского испанского заключается в его способности балансировать между глобальными тенденциями и локальными традициями. Язык адаптирует англицизмы и цифровые формы коммуникации, сохраняя при этом диалектное разнообразие и культурные особенности. Например, слово *chimba* 'круто' или 'отстой' (57,4 %) используется в соцсетях для выражения восторга или разочарования в зависимости от контекста, но сохраняет свой колумбийский характер, отличаясь от аналогичных сленговых терминов в Мексике или Аргентине. Технологии также способствуют популяризации колумбизмов: хэштеги, такие как #QuéMás или #Chévere, активно используются в социальных сетях, усиливая их глобальную узнаваемость.

Социолингвистический анализ показал, что язык в Колумбии не только отражает социальные изменения, но и активно формирует их. Например, использование англицизмов в бизнес-среде ассоциируется с прогрессом и модернизацией, тогда как диалектные формы в сельских сообществах подчеркивают связь с традициями. Эта двойственность делает колумбийский испанский уникальным примером языковой креативности, где глобальные и локальные элементы сосуществуют, создавая динамичный лингвистический ландшафт (Lipski, 2020: 316).

Заключение

Колумбийский испанский представляет собой динамичную языковую систему, витальность которой проявляется через уникальное сочетание традиций и инноваций. Результаты опроса подтверждают сильную языковую идентичность колумбийцев: высокая осведомленность о колумбизмах, поддержка сохранения диалектов и комплексное восприятие уникальности языка отражают глубокую связь с национальной культурой. Культурное наследие, воплощенное в фольклоре, литературе и музыке, остается ключевым фактором сохранения языковых особенностей, несмотря на вызовы глобализации.

Глобальные процессы, включая технологии и миграцию, создают напряжение между модернизацией и традициями, но колумбийский испанский адаптируется, интегрируя англицизмы и новые формы коммуникации, сохраняя при этом диалектное разнообразие. Социальные факторы, такие как статус и образование, подчеркивают стратификацию языка, где городская и сельская речь формируют единый, но многогранный лингвистический ландшафт.

Для сохранения языковой идентичности рекомендуется развивать образовательные программы, популяризирующие диалектологию и колумбизмы, а также поддерживать локальный контент в медиа для продвижения аутентичного

колумбийского испанского. Дальнейшие исследования могут сосредоточиться на влиянии миграции и цифровизации на периферийные диалекты, а также на восприятии колумбийского языка за рубежом. Колумбийский испанский, балансирующий между локальной идентичностью и глобальными тенденциями, остается ярким примером языковой креативности, способной формировать культурное и социальное самосознание.

Список литературы

- Москвичева С.А., Александрова О.И., Эбзеева Ю.Н. Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 164–182. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11> EDN: ZDVECW
- Синицына А.М. Испанский язык на территории колумбийского департамента Киндио : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018 а. 179 с.
- Синицына А.М. Особенности лексики колумбийского национального варианта испанского языка в регионе «Кофейной оси» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018б. № 11–2 (89). С. 386–390. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.34> EDN: YNFUDJ
- Созина С.А. Муиски. Еще одна цивилизация древней Америки. М. : Ладомир, 2020. 280 с.
- Тарнаева Л.П., Никульникова Н.Ю. Особенности лексического строя колумбийского национального варианта испанского языка // Язык и культура. 2022. № 59. С. 94–109. <https://doi.org/10.17223/19996195/59/6> – EDN: CJNKKV
- Чеснокова О.С. Интерпретация художественного текста: русско-испанский диалог. М. : Языки славянской культуры, 2012. 230 с.
- Чеснокова О.С. Колумбия в мире испанского языка: монография. М. : Ленанд, 2021. 118 с. EDN: ZEHSIK
- Abric J.-C. Pratiques sociales et représentations. Paris : PUF, 1994. 303 p.
- Jodelet D. Les représentations sociales. Paris : P.U.F, 1989. 424 p.
- Lipski J.M. Palenquero vs. Spanish negation: separate but equal? // *Lingua*. 2018. Vol. 202. P. 44–57. <https://doi.org/10.1016/J.LINGUA.2017.12.007>
- Lipski J.M. What you hear is (not always) what you get: subjects and verbs among receptive Palenquero-Spanish bilinguals // *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2020. Vol. 10. № 3. P. 315–350. <https://doi.org/10.1075/lab.17083.lip>
- Moñino Y., Schwegler A. Palenque, Cartagena y el Caribe afrocolombiano: historia y lengua. Berlin : Walter de Gruyter, 2002. 390 p.

Reference

- Abric, J.-C. (1994). *Pratiques sociales et représentations*. PUF.
- Chesnokova, O.S. (2012). *Interpretation of a Literary Text: Russian-Spanish Dialogue (Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta: rusko-ispanskii dialog)*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
- Chesnokova, O.S. (2021). *Kolumbiya v mire ispanskogo yazyka (Colombia in the World of the Spanish Language)*. Moscow: Lenand publ. (In Russ.). EDN: ZEHSIK
- Jodelet, D. (1989). *Les représentations sociales*. P.U.F.
- Lipski, J.M. (2018). Palenquero vs. Spanish negation: Separate but Equal? *Lingua*, 202, 44–57. <https://doi.org/10.1016/J.LINGUA.2017.12.007>
- Lipski, J.M. (2020). What you hear is (not always) what you get: Subjects and verbs among receptive Palenquero-Spanish bilinguals. *Linguistic Approaches to Bilingualism*, 10(3), 315–350. <https://doi.org/10.1075/lab.17083.lip>
- Moñino, Y., & Schwegler, A. (2002). *Palenque, Cartagena y el Caribe afrocolombiano: historia y lengua*. Walter de Gruyter.
- Moskvitcheva, S.A., Aleksandrova, O.I., & Ebzeeva, Yu.N. (2022). Folklore culturemes in the structure of cultural representations of Tuvan people. *New Research of Tuva*, (1), 164–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11> EDN: ZDVECW
- Sinitsyna, A.M. (2018б). Lexical peculiarities of the Columbian national variant of Spanish in the “Coffee axis” region. *Philology. Theory & Practice*, (11–2), 386–390. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.34> EDN: YNFUDJ

- Sinitsyna, A.M. (2018a). *Ispanskii yazyk na territorii kolumbiiskogo departamenta Kindio (Spanish language in the territory of the Colombian department of Quindío)* [Dissertation, Voronezh State University]. DisserCat. <https://www.dissercat.com/content/ispanskii-yazyk-na-territorii-kolumbiiskogo-departamenta-kindio>
- Sozina, S.A. (2020). *Eshche odna tsivilizatsiya drevnei Ameriki [Another civilization of ancient America]*. Moscow: Ladamir publ. (In Russ.).
- Tarnaeva, L.P., & Nikulnikova, N.Y. (2022). Features of the lexical structure of the Colombian national version of the Spanish language. *Language and Culture*, (59), 94–109. <https://doi.org/10.17223/19996195/59/6> EDN: CJNKKV

Сведения об авторе:

КАМАРГО БОСИГА Яндира Хулиана, аспирант, кафедра общего и русского языкознания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Научные интересы:* социоллингвистика, диалектология, лексикология, языковая политика, контактная лингвистика.

E-mail: andirakamargo@gmail.com

ORCID: 0009-0006-1370-7680

Bionote:

Yandira Juliana CAMARGO BOSIGA, a Ph.D. student at the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. *Research interests:* sociolinguistics, dialectology, lexicology, language policy, contact linguistics.

E-mail: andirakamargo@gmail.com

ORCID: 0009-0006-1370-7680

DOI: 10.22363/2949-5997-2025-3-1-34-57

EDN: AYKCFZ

Научная статья / Research article

Социолингвистический анализ языковой среды Алматы в контексте официального двуязычия

Анастасия Константиновна КШНЯКИНА

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан
Российский университет дружбы народов, Москва, Российская
Федерация

✉ akshnyakina@gmail.com

Аннотация. Проанализирована современная языковая ситуация в Республике Казахстан на примере города Алматы. Цель исследования — изучение социолингвистических установок, уровня функционального владения языками и их повседневногo применения в контексте казахстанского билингвизма. На основе эмпирических данных, полученных в ходе социолингвистического опроса жителей Алматы, рассмотрены особенности владения казахским и русским языками в повседневной коммуникации. Методологическая основа включила количественный анализ результатов опроса, а также проверку гипотез с использованием критерия Х-квадрат Пирсона. Выявлено наличие статистически значимых связей между переменными, такими как родной и первый язык, язык обучения и уровень владения казахским языком по четырем аспектам (понимание, говорение, чтение и письмо). Определено, как соотносятся формальные языковые установки и реальные коммуникативные практики, а также что влияет на стремление к изучению языков. Результаты обеспечили эмпирическую базу для дальнейших социолингвистических исследований и подчеркнули важность учета биографических и образовательных факторов при разработке языковой политики в условиях многоязычного общества.

Ключевые слова: языковая ситуация, Казахстан, билингвизм, казахский язык, русский язык, языковая компетенция, языковая идентичность, многоязычие

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 4 августа 2024; принята в печать 20 декабря 2024.

Для цитирования: Кшнякина А.К. Социолингвистический анализ языковой среды Алматы в контексте официального двуязычия // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2025. Т. 3. № 1. С. 34–57. <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-34-57> EDN: AYKCFZ

© Кшнякина А.К., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Sociolinguistic analysis of Almaty language environment in the context of official bilingualism

Anastassiya K. KSHNYAKINA

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ akshnyakina@gmail.com

Abstract. The study is devoted to an analysis of the modern language situation in Kazakhstan using the example of Almaty city. The aim of this research is to study sociolinguistic attitudes, level of functional proficiency in languages and their daily application in the context of Kazakhstan bilingualism. Based on the empirical data obtained during a socio-linguistic survey of Almaty residents, we considered the features of proficiency in Kazakh and Russian languages in daily communication. The methodological framework includes a quantitative analysis of survey results, as well as statistical testing of hypotheses using Pearson's chi-squared test. Research established the presence of meaningful connections between variables, including mother tongue, first language, language of instruction and mastery of the Kazakh language, in particular understanding, speaking, reading and writing. The authors also discussed how formal language settings relate to real communicative practices, and what influences the desire to learn languages. The results of this study provide an empirical basis for further sociolinguistic research and emphasize the importance of mainstreaming biographical and educational factors in language policy development of multilingual society.

Key words: linguistic situation, Kazakhstan, Kazakh language, Russian language, linguistic competence, linguistic identity, multilingualism

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: received 4 August 2024; accepted 20 December 2024.

For citation: Kshnyakina, A.K. (2025). Sociolinguistic analysis of Almaty language environment in the context of official bilingualism. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 3(1), 34–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-34-57> EDN: AYKCFZ

Введение

Языковая ситуация в Казахстане остается одной из ключевых тем в гуманитарных и социальных науках, поскольку она отражает как историческое наследие, так и современные процессы, связанные с урбанизацией и глобализацией. Республика Казахстан, в которой казахский язык является государственным, одновременно сохраняет русский язык в статусе официального языка межнационального общения, что приводит к многогранному языковому балансу. С одной стороны, предпринимаются шаги по расширению сфер применения

казахского языка, его популяризации в молодежной среде и в государственных структурах. С другой — русский язык сохраняет устойчивые позиции в образовании, деловой сфере, средствах массовой информации и повседневной жизни. Это создает уникальную среду, в которой языковая компетенция, предпочтения и мотивация могут значительно варьироваться в зависимости от социальных факторов: возраста, этнической принадлежности, места рождения и др. Особое значение в этом контексте приобретает анализ языковой среды в мегаполисах — городах, где пересекаются различные культурные, этнические и социальные потоки и языковая политика встречается с практикой повседневного общения. Алматы — бывшая столица и самый населенный культурный центр — наглядный пример многоязычного урбанистического пространства, в котором взаимодействуют казахский, русский и другие языки.

Настоящее **исследование** основано на результатах социолингвистического анкетирования, проведенного в мае — июне 2024 г. среди жителей города Алматы. Его **цель** — выявление представлений жителей Алматы об их языковых компетенциях в русском и казахском языках, об их повседневных языковых практиках, а также об языковых установках и факторах, способствующих укреплению позиций как казахского, так и русского языков в коммуникативном пространстве Республики Казахстан.

Материал и методология исследования

Анализ языковой ситуации в Казахстане опирается на широкий круг социолингвистических исследований, отражающих как историческую динамику, так и современные тенденции развития билингвизма и языковой политики. Важную теоретическую основу составляют труды Б.Х. Хасанова и А.М. Кумаровой (Хасанов, 1992; Кумарова, 1996), в которых рассмотрены проблемы функционирования казахского языка в современном казахстанском обществе и социальные аспекты языкового планирования. Работы Г.Д. Алдабергеновой и К.С. Ныязбековой (Алдабергенова, 1999; Ныязбекова, 2015) сфокусированы на формировании двуязычной языковой среды и влиянии билингвизма на личностное развитие, что особенно актуально в условиях поликультурного общества.

Современная социолингвистика в Казахстане продолжает развиваться: публикуются как теоретические исследования общих направлений и проблем формирования языковой политики (Алдабергенова, 2024; Айтеке, 2022), так и работы, основанные на эмпирических данных и анализе языкового поведения в конкретных социальных контекстах (Шовкович, 2023; Суюнбаева, Шелестюк, 2019: 159). В центре внимания оказываются вопросы кодового переключения, диглоссии, билингвизма в профессиональной и образовательной среде, а также

механизмы адаптации языков в условиях полилингвизма. Эти исследования вносят значительный вклад в осмысление актуальных процессов, происходящих в многоязычном обществе, и служат важной основой для разработки прикладных решений в области языкового планирования.

Общий дизайн исследования заимствован из работы С.А. Москвичевой и М. Гасанова (Москвичева, Гасанов, 2024). Эмпирическую базу составили данные социолингвистического анкетирования, проведенного в мае и июне 2024 года. В опросе приняли участие 73 респондента в возрасте от 18 до 62 лет. Охвачен широкий круг тем: от языковой биографии и компетенций до мотивации к изучению языков и их употребления в различных сферах жизни. Анкета включала четыре тематических блока, каждый из которых был нацелен на определенный аспект языковой ситуации.

1. Социально-демографический блок

Этот раздел позволил собрать основную информацию о респондентах: возраст, пол, национальность, уровень образования, место рождения и продолжительность проживания в городе Алматы. Данные использовались для последующего анализа языковых установок в зависимости от социальных факторов.

2. Языковая биография

Здесь фиксировали сведения о родном языке респондента, первом языке, на котором он начал говорить, а также языках обучения (начальная, средняя и старшая школа, высшее образование). Этот блок способствовал пониманию того, как формировалась языковая идентичность опрошенных и какие языки преобладали в их образовательной среде на разных этапах обучения.

3. Языковые компетенции и мотивация

Респонденты оценивали свой уровень владения казахским и русским языками по четырем основным аспектам: говорению, пониманию, чтению и письму — по 5-балльной шкале. Кроме того, в опросе рассматривали отношение участников к повышению языковых компетенций и мотивация к обучению, обусловленная различными внешними и внутренними факторами. Также выявляли трудности, с которыми респонденты сталкиваются при использовании казахского и русского языков.

4. Языковые практики

Завершающий блок был посвящен реальному использованию языков в разных сферах: в семье, быту, на учебе или работе, в рамках общения в интернете, на культурных мероприятиях и др.

Результаты исследования

В первую очередь рассмотрим результаты, касающиеся социально-демографических характеристик респондентов. По возрастному составу участники опроса распределились следующим образом: наиболее многочисленной была группа от 18 до 34 лет, которую составили 37 респондентов (50,7%). Вторая по численности категория (35—50 лет) представлена 26 участниками (35,6%). В возрасте от 51 года до 62 лет приняли участие 10 респондентов, что составило 13,7% от общего числа опрошенных. Женщины составили большую часть выборки — 72,6% (53 человека), тогда как мужчины — только 27,4% (20 человек). Распределение респондентов по национальному признаку приведено на рис. 1.

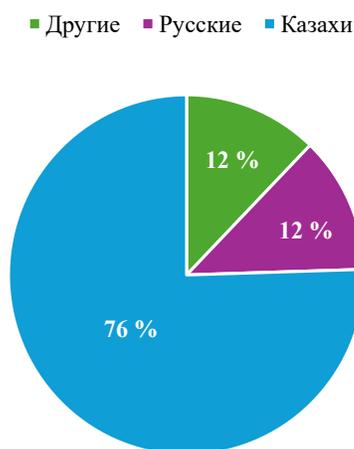

Рис. 1. Национальный состав участников опроса

Источник: выполнила А.К. Кшнякина.

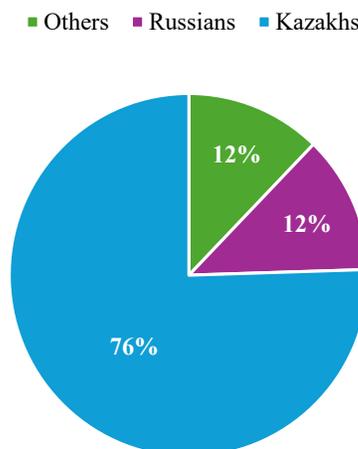

Fig. 1. National composition of survey participants

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

Как видно из диаграммы, преобладающее число респондентов составили казахи — 75,3 % (55 человек) и русские — 12,3 % (9 человек). Оставшиеся 12,3 % представлены другими национальностями, включая армян, греков, евреев, украинцев, корейцев, ойратов, татар и уйгуров.

Большинство опрошенных — 39 человек — родились в городах республиканского значения (Алматы, Астана, Шымкент). 17 респондентов указали в качестве места рождения города с населением более 300 тысяч человек (областные центры, за исключением Туркестана, Жезказгана, Талдыкоргана и Конаева). В городах с населением менее 300 тысяч (Туркестан, Жезказган, Талдыкорган, Конаев, а также города регионального значения) родились 6 участников. Остальные 11 респондентов родом из сел или поселков городского типа. Эти данные помогли исключить влияние места рождения на результаты исследования. Следующим был вопрос о продолжительности проживания респондентов в Алматы, респонденты распределились следующим образом:

- менее 5 лет — 19 человек (26 %);
- от 6 до 10 лет — 5 человек (6,9 %);
- от 11 до 35 лет — также 19 человек (26 %);
- более 35 лет — 4 респондента (5,5 %);
- с рождения — 26 участников (35,6 %).

Изначально предполагалось, что продолжительность проживания респондентов в Алматы может влиять на степень интеграции в городскую языковую среду, формирование устойчивых языковых привычек и выбор языка в повседневной коммуникации, однако статистический анализ не подтвердил значимость этой связи и этот фактор исключили из числа определяющих.

Завершал социодемографический блок вопрос об образовании. Высшее образование указали 63 респондента, среднеспециальное — 4, среднее — 6 человек.

В следующий блок, посвященный языковой биографии, вошли ответы, демонстрирующие распределение языков по уровням образования респондентов (рис. 2).

На всех уровнях образования русский язык остается наиболее распространенным: почти все респонденты обучались на нем в средней, старшей школе и вузе. Казахский язык в наибольшей степени представлен на начальном уровне, но с продвижением к высшему образованию его распространенность уменьшается. Однако важно учитывать, что эти данные отражают картину, сформировавшуюся как минимум пять лет назад, а значит, характерную для предыдущего периода образовательной политики. Наличие других языков преимущественно в вузах (в 9 из 10 случаях — английский) также свидетельствует о расширении языковых возможностей в сфере образования.

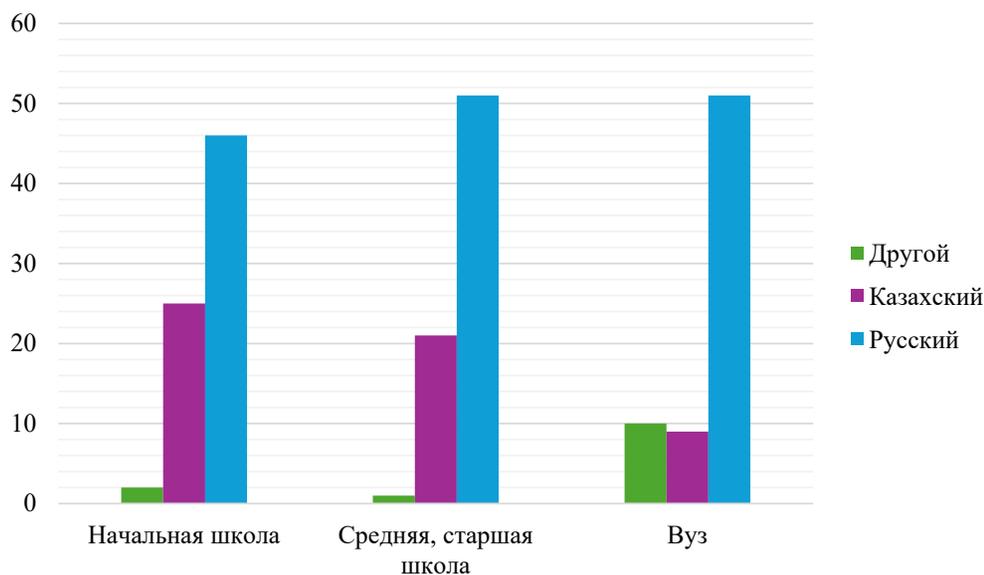

Рис. 2. Язык обучения на разных уровнях образования респондентов

Источник: выполнила А.К. Кшнякина.

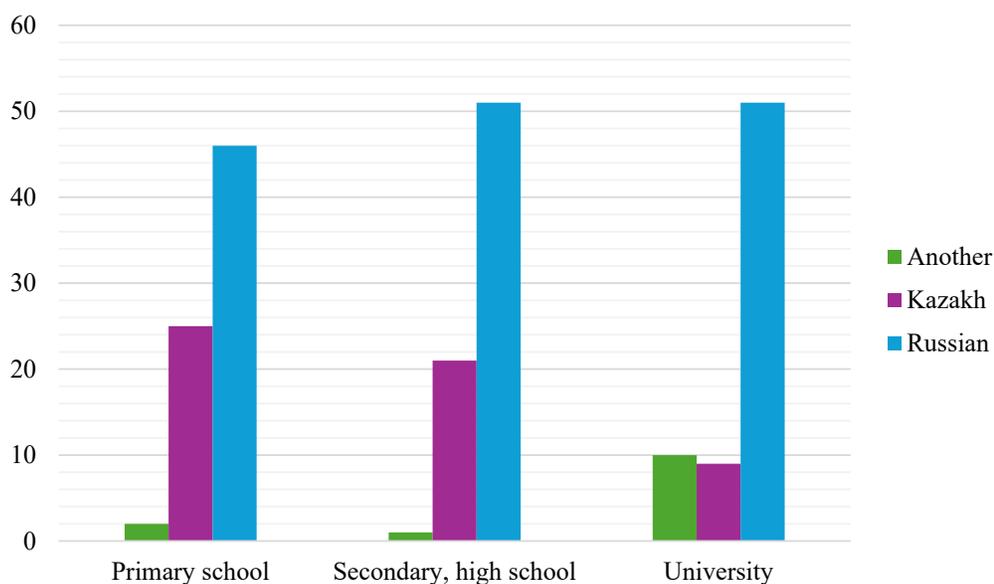

Fig. 2. Language of instruction at different levels of respondents' education

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

Развивая тему языковой биографии, проанализируем ответы на вопросы о родном языке респондентов. 41,1 % участников опроса указали родным казахский язык, 32,9 % — русский. При этом 23,3 % респондентов обозначили оба языка — казахский и русский — идентифицируя себя как билингвов.

Оставшиеся 2,7 % указали родным другой язык. Эти результаты демонстрируют значительное распространение билингвизма и указывают на сложность языковой самоидентификации в многоязычной среде. Не менее интересен для разбора вопрос о том, с какого языка началось речевое развитие респондентов. Среди участников 60,3 % заговорили сначала на русском языке, 35,6 % — на казахском, 4,1 % — на других языках. При этом среди билингвов на русском языке начали говорить одиннадцать человек, а на казахском — шесть, что указывает на разнообразие языкового старта среди данной категории респондентов — не все начинают с одного и того же языка. Это важный аспект для анализа языковой идентичности и предпочтений. Тот факт, что большинство билингвов начали говорить на русском, может свидетельствовать о доминирующем влиянии этого языка в раннем детстве у части респондентов. На это также указывает то, что одиннадцать опрошенных, считающих казахский язык родным, начали говорить на русском. Обратная ситуация наблюдается только в одном случае.

Раздел, посвященный языковым компетенциям алматинцев, открывали вопросы, направленные на оценку базовых навыков владения казахским и русским языками. В ответах на вопросы «насколько хорошо Вы говорите / понимаете / читаете / пишете на казахском / русском языке?» респонденты оценивали себя по 5-балльной шкале, где 1 означало «не владею компетенцией совсем»; 2 — «владею плохо», 3 — «владею средне», 4 — «владею хорошо» 5 — «владею в совершенстве». Самооценка респондентами владения казахским языком по основным навыкам отражена в табл. 1.

Таблица 1

Распределение респондентов по уровню их владения видами речевой деятельности в казахском языке, %

Навыки	Оценка, баллы					Ср. значение
	1	2	3	4	5	
Говорение	20,5	15,1	23,3	17,8	23,3	3,08
Понимание	11	12,3	24,7	21,9	30,1	3,48
Чтение	9,6	8,2	26	21,9	34,2	3,63
Письмо	19,2	15,1	16,4	21,9	27,4	3,23

Источник: составлено А.К. Кшнякиной.

Table 1

**Distribution of respondents by their level of proficiency
in types of speech activity in the Kazakh language, %**

Skills	Rating, points					Average value
	1	2	3	4	5	
Speaking	20.5	15.1	23.3	17.8	23.3	3.08
Listening	11	12.3	24.7	21.9	30.1	3.48
Reading	9.6	8.2	26	21.9	34.2	3.63
Writing	19.2	15.1	16.4	21.9	27.4	3.23

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

Из результатов видно, что понимание и чтение на казахском языке у респондентов находятся на более высоком уровне, чем говорение и письмо. Участники опроса лучше оценивают рецептивные умения — понимание (средний балл 3,48) и чтение (3,63), в то время как продуктивные навыки — говорение (3,08) и письмо (3,23) — проявляются слабее. Это может быть обусловлено тем, что активное использование языка требует большего практического опыта, которого у части респондентов может не хватать. В то время как владение казахским языком показывает определенные вариации в базовых навыках (амплитуда средних значений составляет 0,55, при этом разброс индивидуальных оценок варьируется от 1 до 5 по всем компетенциям), ситуация с русским языком заметно отличается — здесь оценки компетенций значительно выше и более однородны. Рассмотрим эти показатели подробнее в табл. 2.

Таблица 2

**Распределение респондентов по уровню их владения видами речевой
деятельности в русском языке, %**

Навыки	Оценка, баллы					Ср. значение
	1	2	3	4	5	
Говорение	–	–	2,7	15,1	82,2	4,79
Понимание	–	–	–	6,8	93,2	4,93
Чтение	–	–	–	5,5	94,5	4,95
Письмо	–	1,4	4,1	17,8	76,7	4,70

Источник: составлено А.К. Кшнякиной.

Table 2

**Distribution of respondents by their level of proficiency
in types of speech activity in the Russian language, %**

Skills	Rating, points					Average value
	1	2	3	4	5	
Speaking	–	–	2.7	15.1	82.2	4.79
Listening	–	–	–	6.8	93.2	4.93
Reading	–	–	–	5.5	94.5	4.95
Writing	–	1.4	4.1	17.8	76.7	4.70

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

Владение русским языком характеризуется значительно более высоким и стабильным уровнем по всем четырем навыкам. Наиболее высокие показатели отмечаются в понимании и чтении (93,2 и 94,5 % оценили данные компетенции на 5 баллов). Навыки говорения и письма, как и в случае с казахским языком, несколько ниже, но разница между ними менее значительна.

Мы также выяснили, насколько алматинцы заинтересованы в улучшении своих языковых навыков и какие мотивы стоят за этим стремлением. На вопрос «планируете ли Вы в дальнейшем улучшать свои знания и навыки казахского языка?» значительная часть респондентов выразила заинтересованность (рис. 3).

- Да. Пойду на курсы ■ Да. Другой вариант ■ Да. Самостоятельно ■ Нет

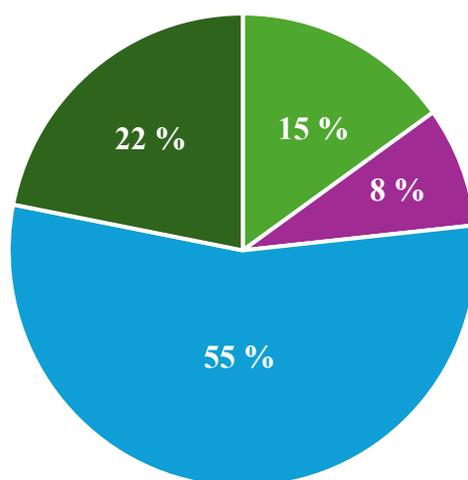
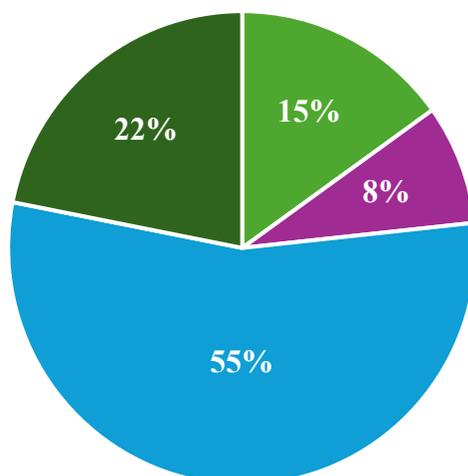

Рис. 3. Намерения респондентов по улучшению владения казахским языком

Источник: выполнила А.К. Кшнякина.

■ Yes. I'll take the courses ■ Yes. Another option ■ Yes. On my own ■ No

Fig. 3. Respondents' intentions to improve proficiency in the Kazakh language

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

В частности:

- 40 человек (54,8 %) планируют заниматься самостоятельно, что говорит о высоком уровне внутренней мотивации;
- 11 человек (15,1 %) выбрали вариант посетить языковые курсы, что указывает на готовность инвестировать время и средства в системное обучение;
- 6 респондентов (8,2 %) не уточнили формат обучения, который может включать, например, обучение в семье, практику с носителями или альтернативные методы (онлайн-курсы, приложения, медиа и пр.).

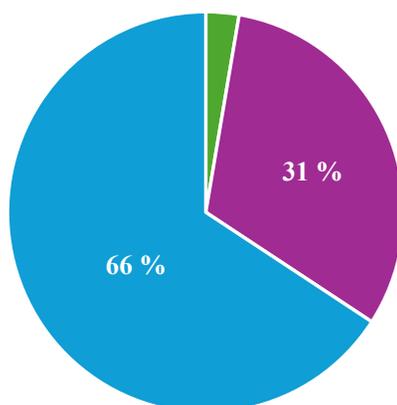
В то же время 16 участников (21,9 %) ответили, что не планируют продолжать изучение казахского языка. Это может быть связано с недостаточным уровнем владения языком, однако средние показатели респондентов, не заинтересованных в дальнейшем совершенствовании знаний, не поднимаются выше 3,7 баллов (по каждой из четырех базовых компетенций). Таким образом, более 78 % респондентов заинтересованы в повышении своих знаний казахского языка в той или иной форме, что свидетельствует о позитивной установке на языковое развитие и важность языковых компетенций в городской среде.

Большинство респондентов — 48 человек (около 65,8 %) — ответили, что не планируют повышать свои навыки владения русским языком.

25 человек (34,2 %) выразили заинтересованность в дальнейшем совершенствовании (рис. 4):

- 23 человека (31,5 %) планируют заниматься самостоятельно, что, как и в случае с казахским языком, указывает на предпочтение гибкого графика и доступность ресурсов;
- 2 человека (2,7 %) намерены пойти на языковые курсы.

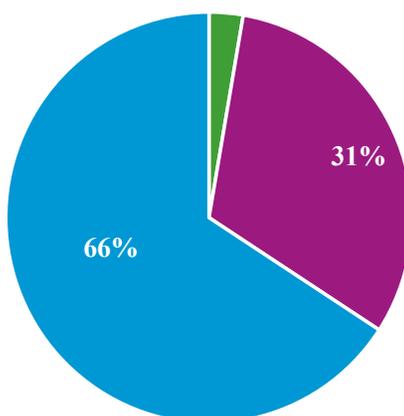
■ Да. Пойду на курсы   ■ Да. Другой вариант   ■ Нет

Рис. 4. Намерения респондентов по улучшению владения русским языком

Источник: выполнила А.К. Кшнякина.

■ Yes. I'll take the courses   ■ Yes. Another option   ■ No

Fig. 4. Respondents' intentions to improve their proficiency in the Russian language

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

Таким образом, в отличие от ситуации с казахским языком, где большинство выразили стремление к развитию, по отношению к русскому языку преобладает уверенность в уже достигнутом уровне — только треть респондентов рассматривает возможность дальнейшего совершенствования. Такая картина объясняется статусом русского — языка межнационального общения — как широко распространенного в повседневной жизни, образовании и работе для большинства респондентов. Многие уже обладают высоким уровнем владения, что снижает потребность в формальном обучении. Кроме того, русский язык, наряду с казахским, часто используется в медиа и коммуникации, что обеспечивает естественное и постоянное практическое погружение аудитории.

Чтобы глубже понять отношение алматинцев к языковому развитию, рассмотрим причины, влияющие на стремления респондентов совершенствовать свои навыки и знания казахского и русского языков. Эти факторы позволяют выявить различия в восприятии каждого языка, его значимости и сфер применения (рис. 5, 6).

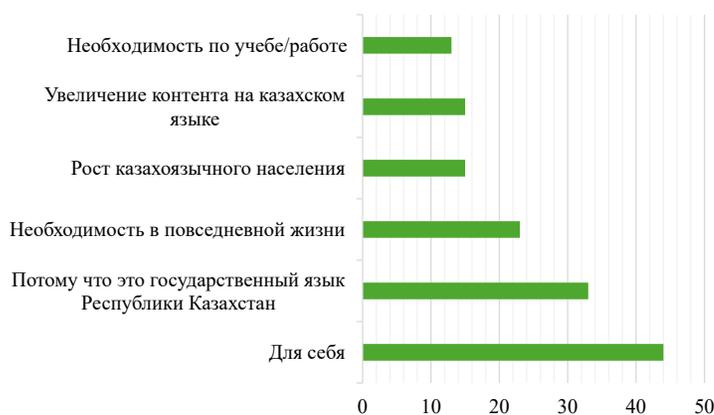

Рис. 5. Основные стимулы для улучшения навыков казахского языка

Источник: выполнила А.К. Кшнякина.

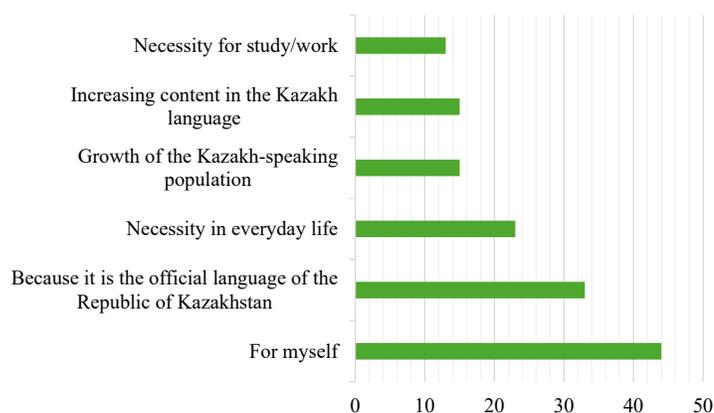

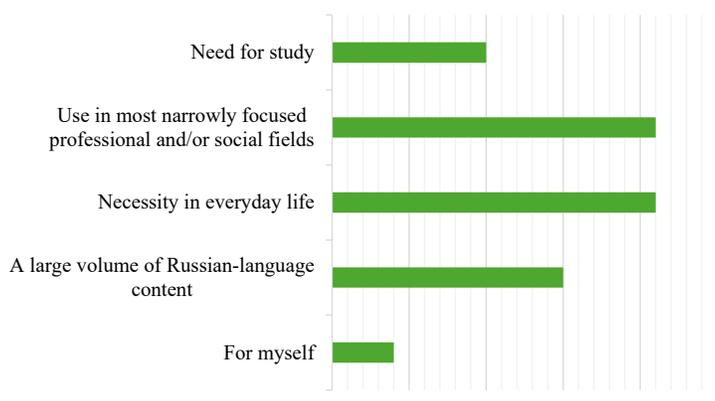
Fig. 5. Main incentives for improving Kazakh language skills

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

Рис. 6. Основные стимулы для улучшения навыков русского языка

Источник: выполнила А.К. Кшнякина.

Fig. 6. Main incentives for improving Russian language skills

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

Мотивы, побуждающие респондентов к улучшению знаний казахского и русского языков, различаются как по интенсивности, так и по направленности. Основной стимул к повышению уровня владения казахским языком — личная мотивация: 44 человека (самая многочисленная группа) указали, что хотели бы изучать его для себя. Это контрастирует с ситуацией с русским языком — аналогичную причину указали всего 4 респондента. Кроме того, значительную роль в изучении казахского играет его статус: 33 респондента отметили, что хотят знать язык, поскольку он является государственным.

Необходимость использования языков в повседневной жизни и быту также играет важную роль в обеих группах: в случае с казахским языком данный фактор отметили 23 респондента, с русским — 21 респондент. Интерес к казахскому языку также связан с демографическими и социальными (медиа) процессами: 15 участников отметили в качестве стимула к изучению рост казахоязычного

населения, еще 15 — увеличение контента на казахском (как и в случае с русскоязычным контентом).

Наконец, необходимость использования в профессионально-учебной сфере названа в качестве причин для изучения обоих языков примерно с одинаковой частотой — 13 человек для казахского и 10 для русского. Однако в то же время на использование русского в узкоспециализированных профессиональных или социальных сферах указал 21 респондент, что подчеркивает его значимость в отдельных сегментах деловой и научной коммуникации.

В целом, изучать и совершенствовать казахский язык в значительной степени мотивирует фактор личной и гражданской идентичности, тогда как русский воспринимается как уже освоенный, утилитарный ресурс, необходимый для решения конкретных задач.

Для более точного понимания того, как заявленные языковые компетенции реализуются в повседневной практике, респондентам опроса был задан вопрос о частоте использования языков в повседневной жизни. Как показали результаты, русский язык используется ежедневно подавляющим большинством участников: 70 человек из 73 (95,9 %) говорят на нем каждый день, 2 человека — несколько раз в неделю, и только один респондент отметил вариант «я знаю русский, но практически его не использую».

Казахский язык, напротив, демонстрирует более разнородную картину: 42 респондента (57,5 %) используют его ежедневно, 5 человек — несколько раз в неделю, 3 — несколько раз в месяц. При этом 6 участников опроса ответили, что знают казахский, но не говорят на нем, а 17 респондентов (23 %) вовсе не владеют языком.

Таким образом, русский язык регулярно используется большинством опрошенных. Молодежь чаще демонстрирует интерес к казахскому (из 42 респондентов, говорящих на нем ежедневно, 27 относятся к молодежной возрастной группе), но изменения в повседневных языковых практиках формируются постепенно и во многом зависят от окружения — в семье, школе, на работе.

Наконец последний блок опроса включал вопросы, помогающие выявить языковые предпочтения: в каких ситуациях респонденты предпочитают использовать тот или иной язык. Анкета содержала восемь вопросов следующего характера:

- На каком языке Вы говорите в семье?
- На каком языке Вы говорите с родителями?
- На каком языке Вы говорите в семье со старшим поколением (бабушки-дедушки)?
- На каком языке Вы говорите в быту (например, в магазине, в транспорте, в ЦОНах)?
- На каком языке Вы говорите на учебе / работе?
- Какой язык Вы используете в мессенджерах и социальных сетях?

- Какой язык Вы используете в медицинских организациях (больницах, медцентрах, диспансерах)?
- Какой язык Вы используете на культурных и развлекательных мероприятиях (на концертах, в кино, театрах)?

Результаты распределения ответов на данные вопросы (табл. 3) отражают особенности функционирования языков в городском многоязычном пространстве Алматы.

Таблица 3

**Распределение языков по сферам деятельности
и коммуникативным ситуациям, %**

Коммуникативная ситуация	Как казахский, так и русский	Только казахский	Только русский	Другой
Для общения в семье	34,3	13,7	49,3	2,7
С родителями	32,9	15,1	49,3	2,7
Со старшим поколением	27,4	31,5	38,4	2,7
В быту	50,7	12,3	37	–
На учебе / работе	42,5	4,1	49,3	4,1
В социальных сетях	37	2,7	54,8	5,5
В медицинских организациях	45,2	8,2	46,6	–
На культурных мероприятиях	37	6,8	56,2	–

Источник: составлено А.К. Кшнякиной.

Table 3

Language distribution by activity and communication situation, %

Communication situation	Both Kazakh and Russian	Only Kazakh	Only Russian	Another
With Family	34.3	13.7	49.3	2.7
With relatives	32.9	15.1	49.3	2.7
With older generation	27.4	31.5	38.4	2.7
In daily communication	50.7	12.3	37	–
At school / at work	42.5	4.1	49.3	4.1
In social nets	37	2.7	54.8	5.5
In medical organizations	45.2	8.2	46.6	–
At cultural events	37	6.8	56.2	–

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

В семейной сфере и в общении с родителями преобладает использование русского языка, тогда как только на казахском говорят гораздо меньше респондентов. Оба языка использует примерно треть опрошенных. Примечательно, что в коммуникации со старшим поколением доля говорящих только на казахском возрастает, что свидетельствует о сохранении языка в межпоколенческих связях (через поколение). В быту наблюдается наибольший уровень смешанного использования языков, что указывает на гибкость и распространение билингвизма в повседневной коммуникации.

В профессиональной и образовательной сферах на русском языке говорит половина респондентов. При этом чуть менее половины опрошенных сообщает о равноправном использовании двух языков, а только казахский язык в этих условиях применяется крайне редко. В цифровом пространстве наблюдается усиление позиций русского языка; казахский как основной язык общения в социальных сетях выбран меньшинством участников; при этом чуть большая, но тоже незначительная доля опрошенных использует другие языки, в частности английский, что отражает глобализационные процессы. В сфере здравоохранения наблюдается почти равное распределение между использованием русского языка и билингвизмом (в совокупности более 90 % опрошенных), в то время как в культурной сфере русскоязычная доминанта выражена ярче.

Таким образом, данные (см. табл. 3) показывают устойчивое доминирование русского языка во многих общественных и цифровых сферах, при этом казахский язык активнее используется в общении с представителями старшего поколения и бытовом контексте. Распространенное сочетание двух языков в повседневной практике указывает на развитый функциональный билингвизм среди городского населения.

В конце опроса участникам предлагалось оценить, какие факторы затрудняют для них общение на казахском и русском языках (рис. 7). Основным препятствием для общения на казахском языке является невозможность выразить свою мысль. Для русского языка эта причина почти неактуальна, что указывает на более высокий уровень знаний и уверенного его использования. В других аспектах разница не столь значительна: сложность грамматики и лексики в отношении казахского и русского языков, а также осуждение со стороны окружающих и страх ошибок соответственно отметило примерно одинаковое число участников опроса. Причину «отсутствие возможности общаться на этом языке» чаще указывали в отношении казахского, чем русского языка.

Обсуждение

Для проверки гипотезы о существовании взаимосвязи между индивидуальным языковым фоном и уровнем владения казахским языком среди респондентов

провели статистический анализ категориальных данных посредством программного обеспечения Jamovi с применением критерия Х-квадрат Пирсона χ^2 . В частности, анализировали следующие параметры: родной язык, первый язык, язык обучения на разных уровнях образования (начальная, средняя/старшая школа, высшее образование) и уровень владения казахским языком по четырем аспектам — говорение, понимание, чтение и письмо (табл. 4).

Рис. 7. Препятствия в использовании казахского и русского языков

Источник: выполнила А.К. Кшнякина.

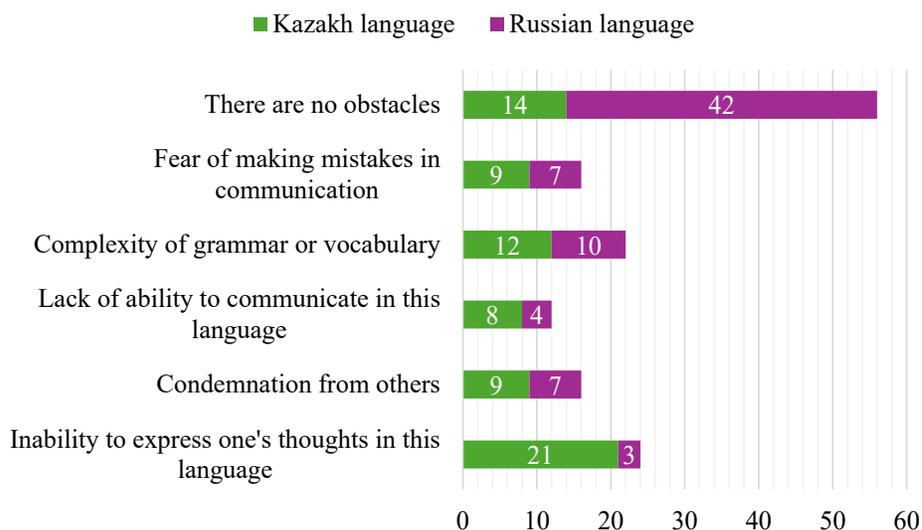

Fig. 7. Barriers to the use of Kazakh and Russian languages

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

Таблица 4

**Корреляции уровня владения казахским языком
с языком общения в семье и образования**

Параметры	Говорение	Понимание	Чтение	Письмо
Ваш родной язык	<0,001	<0,001	0,034	0,057
Первый язык, на котором Вы заговорили	<0,001	<0,001	<0,001	0,002
Язык, на котором Вы учились в начальной школе	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001
Язык, на котором Вы учились в средней и старшей школах	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001
Язык, на котором Вы получали высшее образование	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001

Источник: составлено А.К. Кшнякиной.

Table 4

**Correlation of the Kazakh language level with the language
of communication in the family and education**

Parameter	Speaking	Listening	Reading	Whiting
Your native language	<0.001	<0.001	0.034	0.057
First language you speak	<0.001	<0.001	<0.001	0.002
Language of your primary school	<0.001	<0.001	<0.001	<0.001
Language of your secondary and school	<0.001	<0.001	<0.001	<0.001
Language of your higher education	<0.001	<0.001	<0.001	<0.001

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

По результатам статистических тестов определены значения p (уровни значимости) для каждой пары переменных (см. табл. 4). Все основные значения находятся ниже уровня 0,05, что указывает на наличие статистически значимых корреляций. Особенно выраженными оказались зависимости между языком обучения и всеми аспектами владения казахским языком. Рассмотрим каждый случай более подробно.

Родной язык демонстрирует статистически значимую связь с говорением и пониманием на казахском языке ($p < 0,001$). Однако влияние данного фак-

тора на навыки чтения и письма оказалось менее выраженным и близким к пороговому значению значимости, что может говорить о косвенном влиянии и зависимости этих аспектов от других обстоятельств.

Первый язык, на котором заговорил респондент, также имеет высокую степень значимости по всем четырем направлениям (говорение, понимание, чтение, письмо). Это подтверждает значительное влияние языка, усвоенного в раннем детстве, в формировании языковой компетенции, включая не только устную, но и письменную сферу.

Уровень владения респондентами казахским языком в наибольшей степени зависел от языков, на которых осуществлялось их школьное и высшее образование. Во всех случаях (говорение, понимание, чтение и письмо) уровень значимости был $p < 0,001$. Это подчеркивает определяющую роль образовательной среды и формального обучения в формировании языковой практики. Особенно это важно в контексте языковой политики, ориентированной на развитие казахского как государственного языка через образовательные институты.

В отличие от казахского языка, для которого были получены значимые связи почти со всеми исследуемыми переменными, по русскому языку уровень статистической значимости оказался в целом ниже. Это свидетельствует о более стабильной и распространенной языковой компетенции, не зависящей от образовательных траекторий и языка общения в семье (табл. 5).

Таблица 5

Корреляции уровня владения русским языком с языком общения в семье и образования

Параметры	Говорение	Понимание	Чтение	Письмо
Ваш родной язык	0,275	0,053	0,441	0,848
Первый язык, на котором Вы заговорили	0,080	0,476	0,022	0,467
Язык, на котором Вы учились в начальной школе	0,046	0,902	0,208	0,508
Язык, на котором Вы учились в средней и старшей школах	0,008	0,825	0,110	0,230
Язык, на котором Вы получили высшее образование	0,066	0,359	0,814	0,889

Источник: составлено А.К. Кшнякиной.

Table 5

Correlation of the Russian language level with the language of communication in the family and education

Parameter	Speaking	Listening	Reading	Whiting
Your native language	0.275	0.053	0.441	0.848
First language you speak	0.080	0.476	0.022	0.467
Language of your primary school	0.046	0.902	0.208	0.508
Language of your secondary and school	0.008	0.825	0.110	0.230
Language of your higher education	0.066	0.359	0.814	0.889

Source: compiled by A.K. Kshnyakina.

Особое внимание в исследовании уделялось языковой среде респондентов в период ранней социализации — в семье и детстве. Эти факторы имеют решающее значение в формировании первоначальной языковой компетенции, а также влияют на последующую языковую траекторию личности. По результатам анкетирования большинство респондентов указали на распространенный билингвизм в семейном окружении. Такая ситуация характерна для многоязычного городского пространства, где семьи нередко выбирают гибкие языковые стратегии, включая смешанный тип общения, в зависимости от контекста и собеседника.

Для респондентов с моноязычным казахским детством часто наблюдается успешное усвоение русского языка через систему образования, медиа и профессиональные контакты. Напротив, те, кто рос в моноязычной русскоязычной семье, могут испытывать трудности при попытках овладения казахским языком в более позднем возрасте, особенно при отсутствии формального обучения и языковой практики.

Таким образом, подтверждается, что языки общения в детстве и семье задают основу для развития языковой идентичности, а также в определенной степени определяют уровень владения тем или иным языком во взрослой жизни. При этом в многоязычной среде, как показывает исследование, наиболее успешны с точки зрения языковой гибкости именно те индивиды, у которых был опыт регулярного взаимодействия с двумя и более языками уже с раннего возраста.

Заключение

Исследование языковой ситуации в Алматы на основе социолингвистического опроса продемонстрировало многослойную и динамичную картину

функционирования казахского и русского языков в городском пространстве. Алматы как культурный центр представляет собой уникальную языковую среду, в которой пересекаются официальные установки, повседневная практика и индивидуальные языковые биографии. Это делает его показательным примером для анализа тенденций в сфере языковой политики и общественных установок.

Результаты опроса показывают, что русский язык сохраняет устойчивые позиции в повседневной, профессиональной, образовательной и цифровой коммуникации. Он выступает универсальным средством общения для большинства респондентов и характеризуется высоким уровнем владения по всем четырем аспектам языковой компетенции. При этом потребность в его дальнейшем освоении минимальна либо вовсе отсутствует — большинство опрошенных уверены в уровне своих знаний.

Ситуация с казахским языком неоднозначна. Он активно используется в межпоколенческом общении и быту, но гораздо реже в профессиональной и цифровой сферах. Уровень владения казахским языком среди респондентов значительно варьируется и, как показал статистический анализ, зависит от таких факторов, как родной и первый язык. Также особенно важно влияние образовательной среды: язык обучения оказывает статистически значимое влияние на все аспекты владения казахским языком.

Исследование показало, что более 78 % участников заинтересованы в дальнейшем развитии своих навыков владения казахским языком. При этом мотивация к обучению чаще носит личностный и гражданский характер — желание говорить на государственном языке, воспринимаемом как часть национальной идентичности. В отношении русского языка, напротив, мотивация носит преимущественно утилитарный характер, связанный с его функциональной необходимостью в определенных сферах.

Особое внимание в исследовании уделено языковым практикам. Полученные данные показали, что в реальной жизни респонденты нередко используют оба языка в зависимости от ситуации, собеседника и контекста. Наибольшая гибкость в языковом поведении выявлена у респондентов, которые с детства были погружены в билингвальную среду — они демонстрируют более высокие показатели владения обоими языками и устойчивую практику общения на обоих языках в повседневной жизни.

При этом важно отметить, что трудности в освоении казахского языка все еще сохраняются. Наиболее распространенными препятствиями оказались невозможность выражения мыслей на этом языке, сложности грамматического и лексического характера. Для преодоления этих барьеров требуется создание благоприятной языковой среды — через образование, медиа, досуг и государственные инициативы, ориентированные на включение казахского языка в естественные повседневные контексты.

В целом, исследование подтверждает, что языковая ситуация в Алматы характеризуется устойчивым функциональным билингвизмом, в рамках которого русский язык выполняет роль широко распространенного средства повседневного общения, а казахский — государственный язык РК — становится все более значимым с точки зрения символического и гражданского капитала. В то же время дальнейшее укрепление позиций казахского языка зависит от комплексных усилий в области языковой политики, образования, культурной интеграции и от учета реальных практик и мотиваций городского населения. Многоязычие Алматы следует рассматривать не как проблему, а как потенциал — ресурс, способствующий развитию языковой гибкости, межкультурного диалога и социальной сплоченности в условиях современного мира.

Список литературы

- Айтеке К.А. Социолингвистические исследования в Казахстане: основные проблемы поиска и формирования новых возможностей // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 4. С. 33–36. [https://doi.org/10.14258/ralj\(2022\)4.7](https://doi.org/10.14258/ralj(2022)4.7) EDN: MEVXHD
- Алдабергенова А.М. Социолингвистические исследования в Казахстане: новые возможности и проблемы // Путь науки. 2024. № 3 (121). С. 50–52. EDN: GXLOGO
- Алдабергенова Г.Д. Исследование влияния билингвизма на развитие личностей детей : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 1999. 20 с.
- Кумарова А.М. Социально-лингвистические проблемы формирования казахской языковой среды в Республике Казахстан : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1996. 20 с.
- Москвичева С.А., Гасанов М.М. Азербайджанский язык в московской общине азербайджанцев: символические параметры языковой ситуации в сопряжении с социо-демографическими факторами // Социолингвистика. 2024. № 1 (17). С. 44–60. EDN UPWJAV
- Ныязбекова К.С. Формирование двуязычия и многоязычия в Казахстане // Успехи современного естествознания. 2015. № 1–7. С. 1243–1245. EDN: RWZCJ
- Суюмбаева А.Ж., Шелестюк Е.В. Проблемы переходной диглоссии и функционирование билингвизма в профессиональной коммуникации (на примере языковой ситуации в Республике Казахстан) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 10 (432). С. 149–164. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-11022> EDN: ZSOTRB
- Хасанов Б.Х. Социально-лингвистические проблемы функционирования казахского языка в Республике Казахстан : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1992. 50 с.
- Шовкович Е.Г. Переключение и смешение кодов в речи учащихся в образовательной полилингвальной среде Республики Казахстан // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 5. С. 66–73. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2023-5-66-73> EDN: JDMLND

References

- Ayteke, K.A. (2022). Sociolinguistic research in Kazakhstan the main problems of finding and forming new opportunities. *Russian-Asian Legal Journal*, (4), 33–36. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/ralj\(2022\)4.7](https://doi.org/10.14258/ralj(2022)4.7) EDN: MEVXHD

- Aldabergenova, A.M. (2024). Sociolinguistic research in Kazakhstan: new opportunities and challenges. *The Way of Science*, (3), 50–52. (In Russ.). EDN: GXLOGO
- Aldabergenova, G.D. (1999). *Issledovanie vliyaniya bilingvizma na razvitie lichnostei detei [Study of the influence of bilingualism on children's personality development]* [Dissertation abstract]. Almaty State University named after Abay. (In Russ.).
- Hasanov, B.H. (1992). *Sotsial'no-lingvisticheskie problemy funkcionirovaniya kazakhskogo yazyka v Respublike Kazakhstan [Socio-Linguistic problems of the functioning of the Kazakh language in the Republic of Kazakhstan: dissertation abstract for a PhD degree in philology]* [Dissertation abstract]. Kazakh State University named after S.M. Kirov. (In Russ.).
- Kumarova, A.M. (1996). *Sotsial'no-lingvisticheskie problemy formirovaniya kazakhskoi yazykovoi sredy v Respublike Kazakhstan [Social-linguistic problems of formation of the Kazakh language environment in the Republic of Kazakhstan]* [Dissertation abstract]. Almaty State University named after Abay. (In Russ.).
- Moskvitcheva, S.A., & Gasanov, M.M. (2024). The Azerbaijani language in the Moscow community of Azerbaijanis: symbolic parameters of the linguistic situation in conjunction with socio-demographic factors. *Sociolinguistics*, 1(1), 44–60. (In Russ.). EDN UPWJAV
- Niyazbekova, K.S. (2015). The formation of bilingualism and multilingualism in Kazakhstan. *The success of modern science*, (1–7), 1243–1245. (In Russ.). EDN: RWZCBJ
- Shovkovich, E.G. (2023). Switching and mixing codes in the speech of students in the educational multilingual environment of the Republic of Kazakhstan. *Key Issues of Contemporary Linguistics*, (5), 66–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2023-5-66-73> EDN: JDMLND
- Suenbaeva A. Zh., & Shelestyuk, E.V. (2019). Problems of transitional diglossia and bilingual functioning in professional communication (exemplified by the language situation in the Republic of Kazakhstan). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (10), 149–164. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-11022> EDN: ZSOTRB

Сведения об авторе:

КШНЯКИНА Анастасия Константиновна, магистрант 2-го года обучения по направлению «Филология», филологический факультет, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, 050040, Алматы, проспект Аль-Фараби, д. 71; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Научные интересы:* социолингвистика, теория межкультурная коммуникация, языковая политика в полиэтничных обществах, исследование и применение нейросетевых технологий в гуманитарных науках, а также разработка образовательных и медиапроектов на стыке технологий и гуманитарного знания.

E-mail: akshnyakina@gmail.com

ORCID: 0009-0008-2080-1178

SPIN-код: 1251-8689

Bionote:

Anastasiya K. KSHNYAKINA, a second year Master's student in Faculty of Philology, Kazakh National University named after al-Farabi, 71 al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan; RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation, *Research interests:* sociolinguistics, theory of intercultural communication, language policy in multi-ethnic societies, research and application of neural network technologies in the humanities, as well as development of educational and media projects at the intersection of technology and humanitarian knowledge.

E-mail: akshnyakina@gmail.com

ORCID: 0009-0008-2080-1178

SPIN-code: 1251-8689

DOI: 10.22363/2949-5997-2025-3-1-58-70

EDN AZJREW

Research article / Научная статья

Literary Arabic and the Syrian dialect: Functional distribution and language attitudes in Syria

Aida D. HADDAD

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ khaddad-a@rudn.ru

Abstract. The study is devoted to analyzing the current problem of diglossia in the Arab world, in particular in the Syria. The main issue facing the researchers concerns the establishment of the actual status and functional load of literary Arabic (LA) and its dialects in the conditions of their coexistence, as well as the identification of sociolinguistic factors that determine the choice of language variant in various communicative situations. The purpose of the study is to identify trends in the use of both LA and its dialects, and to determine native speakers' attitudes towards each of these language varieties. Data were collected via a sociological survey of 1,010 respondents, predominantly from the Syria, and analysed using statistical methods. The key results indicate the persistence of diglossia, where dialects prevail in the everyday sphere, and LA is used in the official sphere. A decrease in the use of LA is observed among the younger generations. Despite the widespread use of dialects in everyday life, most respondents remain unwilling to support their recognition as full-fledged languages, which is a consequence of the existing and persistent ideology.

Keywords: Arabic language, diglossia, linguistic situation, language representations, social representations, language policy, code-switching

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: received: 25 August 2024; accepted: 14 October 2024.

For citation: Haddad, A.D. (2025). Literary Arabic and the Syrian dialect: Functional distribution and language attitudes in Syria. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 3(1), 58–70. <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-58-70> EDN: AZJREW

© Haddad A.D., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Литературный арабский и сирийский диалект: функциональное распределение и языковые аттитюды в Сирии

Аида Джихадовна ХАДДАД

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ khaddad-a@rudn.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу актуальной проблемы диглоссии в арабском мире, в частности в Сирии. Основной вопрос, стоящий перед исследователями, касается установления фактического статуса и функциональной нагрузки литературного арабского языка (ЛА) и его диалектов в условиях их сосуществования, а также выявления социолингвистических факторов, которые определяют выбор языкового варианта в различных коммуникативных ситуациях. Цель исследования — выявление тенденций использования ЛА и его диалектов и определение отношения носителей к каждому из указанных вариантов языка. Материалы исследования получены путем проведения социологического опроса среди 1010 респондентов, абсолютное большинство которых из Сирии. Для оценки эмпирических данных использовались методы статистического анализа. Ключевые результаты указывают на сохранение диглоссии, при которой использование диалектов преобладает в бытовой сфере, а ЛА — в официальной сфере. Наблюдается снижение использования ЛА среди младших поколений. Несмотря на широкое использование диалектов в повседневной жизни, большинство респондентов остаются неготовыми поддерживать их признание в качестве полноценных языков, что является следствием существующей и устойчиво закрепленной идеологии.

Ключевые слова: арабский язык, диглоссия, языковая ситуация, репрезентации языка, социальные представления, языковые установки, языковая политика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 25 августа 2024; принята в печать 24 октября 2024.

Для цитирования: Haddad A.D. Literary Arabic and the Syrian dialect: Functional distribution and language attitudes in Syria // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2025. Т. 3. № 1. С. 58–70. <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-58-70> EDN: AZJREW

Introduction

In the Arab world, language policy is closely linked to the preservation and development of literary language — Literary Arabic (LA) against the backdrop of dialect usage in everyday communication. It is believed that the literary language is utilized in education, legislation, and official documentation, emphasizing its central role in the cultural and social life of the region. However, colloquial var-

variants of the language are also penetrating official spheres; when transitioning to the literary form, speakers often demonstrate phonetic features of the colloquial variant (Abuhakema, 2013: 175).

Language is a social phenomenon that evolves alongside the society in which it exists. However, the literary language, as a unifying factor for the countries of the Arab East, is losing its relevance and cultural-linguistic continuity, its invariability in the context of everyday communication requires more detailed examination (Fatkhullova, 2012: 24).

Dialects, characterized by a high degree of variability, reflect socio-cultural realities and adapt to contemporary conditions, including borrowings from other languages and the influence of new technologies. Thus, dialects become more dynamic and susceptible to change, in contrast to LA even in terms of the most stable language levels (Rogers, 1879; Brustad, 2000; Younes, 2015).

Some scholars contend that the core of the diglossic challenge for example in Egypt is not inherent to the diglossia itself, but rather to the persistence of CA, which some intellectuals perceive as a contributing factor to Arab underdevelopment. But in the end, they conclude that CA's enduring strength, stemming from its intrinsic link to the Quran, renders its supplantation exceedingly difficult (Ibrahim, 1986: 115; Al-Huri, 2015).

Nevertheless, a growing body of research actively pursues the descriptive documentation of Arabic dialects as autonomous linguistic systems. These investigations emphasize the inherent grammatical and phonological coherence of individual dialects, often revealing complex linguistic structures distinct from Literary Arabic (Al-Wer, 1997: 251).

The official language of Syria is Arabic. However, as one of all Arab countries Syria mirrors the linguistic landscape, which is characterized by diglossia. Numerous studies have explored the characteristics of diglossia. Academics as Charles A. Ferguson and his successors laid the groundwork for understanding diglossia as a phenomenon characterized by the co-existence of “high” and “low” linguistic varieties (Ferguson, 1959; Ferguson, 1996; Hudson, 2002; Yacoub, 2015).

Literary Arabic is used in the official sphere: governmental institutions and media, and it is often viewed as a unifying force amongst Arabic speakers. Alongside LA, various dialects function and exhibit significant variation across all linguistic levels, differing based on geographical region. These dialects serve as the primary means of communication in everyday life. In addition to Arabic, minority languages such as Kurdish, Armenian, and Syriac are spoken among various ethnic groups within the country.

Language policy in Arab countries, particularly in Syria, aims to strengthen the position of Literary Arabic, as evidenced by the establishment of specialized institutions dedicated to the Arabization of loanwords. In the Arab world, there are at least

five language academies: the Arabic Academy in Damascus, founded in 1919; the Academy of the Arabic Language in Cairo, established in 1932; the Iraqi Academy, founded in 1947; the Academy of the Arabic Language in Jordan, created in 1976; and the Academy of the Arabic Language in Libya and Algeria, which is currently non-functional (Bassiouney, 2020).

The idea of establishing an Arabic language academy first emerged in Syria and later in Egypt in the early twentieth century. The primary goals of all Arabic academies are to preserve the Arabic language and develop it to meet the needs of society in all fields. The academies also address issues related to the development and standardization of scientific terminology and the Arabization of terminology from other languages when borrowed (Tuleubaeva, 2019).

The Damascus Academy began with the following objectives (Bassiouney, 2020):

1. Simplifying literature to make it accessible to the masses.
2. Establishing a national public library.
3. Developing technical and scientific terms.
4. Publishing scientific journals in Arabic.
5. Supporting scientific research in Arabic.

In 2001, the academy declared the necessity of unifying technical terms across the Arab world and sought methods to simplify the grammar of literary Arabic. During that period, the academy aimed to encourage Syrians to use the literary language more broadly, including its application in everyday life, as well as to find means and methods to curb the spread of dialects.

Mazin al-Mubarak a scholar and member of the Academy of the Arabic Language in Damascus, called for the enhancement of the status of Literary Arabic and the gradual eradication of dialectal usage in conversational speech in Syria. His proposed plan aimed at eliminating colloquial expressions in Syria included a series of initiatives, such as informational programs for families designed to assist parents in addressing challenges related to the implementation of LA at home; ensuring that children could read and learn effectively; promoting the use of LA in media; increasing the production of songs, plays, and films in LA; and encouraging children's competitions for writing poetry, novels, and short stories in LA. His ideology may align with the political agenda of Syria and the belief in the slogan "one nation, one language." However, the practical implementation of this ideology faces significant challenges, given that dialects serve as the primary mode of communication for Syrians in various contexts, including home, group interactions, and schools (except in Arabic language classes (al-Mubarak, 1979: 5).

The aim of research is to determine the role of dialects and LA in various aspects of life for Arabic speakers.

Methodology and methods

To achieve the aim, it is essential to identify the factors that influence the choice of language variant in different communicative situations and to explore the relationship between socio-demographic characteristics (age, gender, education, place of residence) and attitudes toward dialects and the literary language.

A questionnaire was developed that includes both open-ended and closed-ended questions. These questions are designed to uncover attitudes toward dialects and LA, as well as perceptions of their functions (language of everyday communication, language of education, language of culture, language of religion), language behavior (language choice in various communication situations, frequency of use of dialect and LA), and the socio-demographic characteristics of the respondents. The sample of respondents was stratified by age, gender, education, and place of residence, employing random sampling methods.

Data analysis involved processing the survey data using statistical analysis software and comparing the obtained information. Throughout the research, consent was obtained from the respondents to participate in the survey, and their anonymity was ensured.

The survey included the following questions:

1. Can you speak Literary Arabic as fluently and for as long as you can in your dialect?
2. Do you use Literary Arabic in your daily life?
3. In what situations do you use Literary Arabic?
4. What is your opinion on the use of Literary Arabic in everyday life?
5. Which language variant do you use on social media and while communicating online?
6. Do you think that dialects should become official languages alongside Arabic?
7. Explain your answer to the previous question.
8. Do you believe that dialects should replace Arabic as the official language?
9. Explain your answer to the previous question.
10. How different is your dialect from literary Arabic?

Study and results

The results of the study indicate the following:

1. In the situation of notable diglossia dialects play a crucial role in the lives of Arabic speakers and serve as the primary means of communication.
2. Older generations and school students do not have problems in using LA, while middle-aged individuals face challenges in communicating in LA.
3. In general, there is a decline in the quality and frequency of use of the literary form of the language.

4. Despite its important role, which was acquired on the basis of a certain ideology, literary Arabic still functions only in official spheres.

5. Despite the prevalence of dialects, Arabic speakers are not ready to recognize them as full-fledged languages. The reluctance to recognize dialects as official languages does not depend on age or gender; responses were mixed across all demographics.

6. Perception of Dialect Similarity: The majority of Arabic speakers believe that their dialect differs only slightly from LA, with a small percentage considering that their dialect and LA are virtually indistinguishable.

Discussion

For clarity, the data are presented in two formats: absolute quantitative figures (n) are provided in the tables, while percentage values (%) are given in the text. The analysis of the survey responses revealed the following information about the respondents:

The total number of participants was 1,010, including 76.3% women and 23.7% men (Table 1¹). 93.4% of respondents were from Syria, while 6.6% were from other Arab countries (Table 2). When analyzing the survey results, it was decided to include all responses, even though the research focus was on the Syrian dialect and its relationship to Literary Arabic. This choice is justified by the small percentage of respondents from other countries/regions, the similar linguistic situation in terms of the functional and symbolic distribution of Literary Arabic and the dialect, as well as the very design of the questionnaire, which is valid for any Arabic-speaking region.

Table 1

Gender Distribution of Respondents

Gender	N	Proportion, %
M	239	23.7
F	771	76.3
All	1010	100

Source: compiled by A.D. Haddad.

Table 2

Geographic Distribution of Respondents

Country	N	Proportion, %
Syria	944	93.4
Jordan	18	1.7

¹ The table shows absolute frequencies (N) and their corresponding percentages (%). Here and hereafter, this specific format, combining counts and percentages, is used selectively in the following sections only where the proportional breakdown is crucial for the analysis.

Ending tabl. 2

Country	N	Proportion, %
Palestine	18	1.7
Lebanon	6	0.59
Egypt	6	0.59
Tunisia	5	0.49
Sudan	3	0.2
Iraq	3	0.2
Yemen	3	0.2
Algeria	2	0.19
Saudi Arabia	2	0.19
All	1010	100

Source: compiled by A.D. Haddad.

Table 3 summarizes the sample's composition by age. The data reveals a pronounced concentration in early adulthood: nearly 83% of all participants are under the age of 40. This demographic bias must be acknowledged, as attitudes, behaviors, and experiences captured herein are primarily reflective of a younger population segment (Table 3).

Table 3

Age Distribution of Respondents

Age Group	N	Proportion, %
Under 19	69	6.83
18–29	657	65.04
30–39	179	17.72
40–49	72	7.21
50 and older	33	3.2

Source: compiled by A.D. Haddad.

In response to the question “Can you speak Literary Arabic as fluently as you can in your dialect?”, 63.86% of respondents answered positively, while 36.13% answered negatively. Among women, 63% answered positively, while 37% answered negatively. Among men, 67% answered positively, and 33% negatively (Table 4).

Table 4

Gender Distribution of Responses to Question 1
“Can you speak Literary Arabic fluently as you can in your dialect?”

Gender	N	
	Positive	Negative
M	160	79
F	485	286
All	645	365

Source: compiled by A.D. Haddad.

When asked, “Do you use Literary Arabic in your daily life?” 5% of respondents answered positively; 41% responded “sometimes”; and 54% answered negatively (Table 5).

Table 5

Gender Distribution of Responses to Question 2
“Do you use Literary Arabic in your daily life?”

Gender	N		
	Yes	No	Sometimes
M	23	110	106
F	29	437	305
All	52	547	411

Source: compiled by A.D. Haddad.

Among the positive responses, 28 individuals aged 18–29, 14 aged 30–39, 6 aged 40–49, and 4 aged 50 and older responded affirmatively, while no respondents under 18 answered positively. The vast majority of respondents across all age groups report never or only sometimes using LA daily. This underscores a gap between the symbolic status of LA and its practical application in daily contexts (Table 6).

Table 6

Age Distribution of Responses to Question 2
“Do you use Literary Arabic in your daily life?”

Age Group	N		
	Yes	No	Sometimes
Under 18	0	31	35
18–29	28	365	267
30–39	14	105	60

Ending tabl. 6

Age Group	N		
	Yes	No	Sometimes
40–49	6	38	28
50 and older	4	8	21

Source: compiled by A.D. Haddad.

Subsequently, participants were asked about their usage of Literary Arabic across various common scenarios. The question, “In what situations do you use literary Arabic?” presented a range of situations where Arabic speakers often find themselves needing to employ LA, allowing participants to select multiple options. The most frequently chosen situations, ranked by prevalence, were: within educational settings, for formal documentation, in professional contexts, when communicating with speakers of different Arabic dialects, during official gatherings, and in interactions with non-Arabic speakers. Some participants also opted for the “all of the above” response. Interestingly, a segment of the respondents indicated that they never utilize LA. Among those who selected “other,” the most common scenarios provided included communicating with children, using LA for ironic effect, and employing it during public speaking engagements (Table 7).

Table 7

Question 3 “In what situations do you use literary Arabic?”

Situation	N
Education	548
Work	234
Communication with speakers of other dialects	181
Communication with foreigners	106
Documents	301
Official meetings	178
All of the above	40
Never	133
Other	64

Source: compiled by A.D. Haddad.

Regarding language use in online communication and social media, the overwhelming preference was for dialectal Arabic, chosen by 88% of participants (887 individuals), while Literary Arabic was selected by only 12% (123 individuals). No discernible patterns related to age were identified, as both the youngest and oldest respondents were represented in both language-choice groups.

Concerning attitudes toward the use of LA in daily life, the most frequent response was “neutral,” accounting for 40% of the participants. Positive opinions were held by 31%, while 13% indicated that they “find it amusing.” A smaller percentage (9%) viewed the use of LA as indicative of high social status, 4% responded negatively, and 2% selected the “other” category (Table 8). The “other” category in the survey included a variety of opinions: a 16-year-old female respondent expressed optimism about the likelihood of using the literary language in everyday life, however, she indicated that she considers it impossible for it to be widely used. A 20-year-old man claims that LA does not exist, since it is not actually used by native speakers. Moreover, the respondent believes that daily use of LA will lead to unsuccessful speech communication.

Table 8

Question 4 “What is your opinion on the use of Literary Arabic in everyday life?” — Attitudes

Response	N
Positive	318
Neutral	409
Negative	36
I find it amusing	136
I consider it a sign of high status	94
Other	17

Source: compiled by A.D. Haddad.

The data revealed a divergence of views on the official recognition of dialects along with LA: a significant proportion of participants (76%) aged 12 to 68 years opposed granting dialects official status. However, some respondents (24%) aged 13 to 70 years supported the idea of official recognition of dialects. Thus, no age-related trends were identified (Table 9).

Table 9

Question 6 “Explain your answer to the previous question” — Recognition of Dialect as an Official Language Alongside LA

Response	N	Proportion, %
Yes	242	24
No	768	76

Source: compiled by A.D. Haddad.

In Question 6, “Explain your answer to the previous question” respondents favoring the teaching of dialects frequently cited their ease of use and accessibility (48 individuals) as key factors. A larger number justified their preference by emphasizing the widespread use of dialects and their relevance to the contemporary, fast-paced lifestyle (111 individuals), characterizing dialects as “the language of everyday life.” A smaller group (15 individuals) pointed out that dialects embody and transmit cultural values. A few residents of Damascus specifically asserted that their dialect forms an integral part of the Syrian linguistic identity. Other justifications included subjective aesthetic judgments such as “the dialect is more beautiful” and expressions of personal preference like “I like my dialect,” while a significant portion (68 individuals) did not offer a specific explanation.

An overwhelming majority of respondents (94.5%) do not support replacing LA with dialects as the official language. This result contrasts with the previously documented limited daily use of LA (Table 10). The observed pattern illustrates the characteristic diglossic situation in the Arabic language context: the LA maintains its functions as the official and symbolic standard, while dialects serve as the primary means of daily communication. The data indicate a persistent perception of literary language as the norm ensuring supra-regional unity and formal communication.

Table 10

Question 8 “Do you believe that dialects should replace Arabic as the official language?”

Response	N	Proportion, %
Yes	56	5.5
No	954	94.5

Source: compiled by A.D. Haddad.

The analysis of the responses explaining the position in questions 6 “Do you think that dialects should become official languages alongside Arabic?” and 8 “Do you believe that dialects should replace Arabic as the official language?” revealed the following with results presented as absolute numbers to reflect the variety of distinct arguments: the majority of respondents position LA as the fundamental language, while dialects are perceived as derivatives (228 responses). A common statement emphasizes the presence of a large number of dialects, noting that ignorance of each of them will hinder communication between speakers of different dialects (162 people). Respondents also emphasize the importance of preserving LA (50 people) and its aesthetic qualities (38 people), while noting its unifying role among Arab countries and contribution to the preservation of cultural heritage (64 people). Some respondents drew attention to the lack of codified rules in dialects, their

limited functional sphere (lack of written form, inability to cover all aspects of life, variability and learning problems) (115 people). Some respondents associate LA with its status as the language of the Quran (26 people). A significant number of participants were unable to provide an explanation and chose the option “I don’t know” (65 people).

According to one respondent (a 21-year-old male), LA has an immutable nature, in contrast to the constant changeability of dialects. He argued that preserving and promoting LA in everyday life is crucial to maintaining Arab unity, as the adoption of dialects as official languages could exacerbate existing geopolitical fragmentation. Another respondent, a 19-year-old male, believed that linguistic heterogeneity, which is reflected in the existence of different dialects even within a single city, could lead to misunderstandings, especially regarding important official statements such as government decrees and legal acts. A 23-year-old female argued that LA has been the standard form of Arabic for thousands of years, finding the idea of its replacement by a dialect unacceptable. In contrast, a 28-year-old female believed that the importance of dialects in everyday communication is an undeniable reality that cannot be ignored or circumvented, and therefore they should be recognized as official languages. Regarding the perceived difference between individual dialects and LA, the vast majority of respondents (74%) believed that their dialect was “somewhat” different from LA. 24% of respondents considered the difference to be “significant,” while only 2% believed that their dialect was “not different at all” from LA, indicating a blurring of the boundaries between literary and dialectal forms of the language.

Conclusion

The results of the conducted research further confirm the significant role of dialects in the daily lives of Arabic-speaking populations. However, despite the prevalence of dialects in everyday communication, the majority of respondents are unwilling to recognize them as official languages, indicating a dominant ideology surrounding the importance of LA as a symbol of cultural unity across all Arab countries. Survey results indicate that respondents under the age of 30 demonstrate good proficiency in LA, while middle-aged individuals experience difficulties communicating in it. This may be attributed to the fact that the younger generation actively studies Standard Arabic in schools and universities. The overall trend suggests a gradual decline in the quality of LA among surveyed respondents. The boundaries between dialects and LA are becoming blurred, particularly under the influence of media and globalization processes. This is evidenced by the fact that more than half of the surveyed respondents assess their dialect as differing only slightly from LA.

References

- Abuhakema, G.M. (2013). Code switching and code mixing in Arabic written advertisements: Patterns, aspects, and the question of prestige and standardization. *The International Journal of Language, Culture and Society*, (38), 173–186.
- Al-Huri, I. (2015). Arabic language: Historic and sociolinguistic characteristics. *English Literature and Language Review*, 1(4), 28–36.
- Al-Mubarak, M. (1979). *Nahw waey lughawi* [Towards linguistic awareness]. Muasat alrisala. (In Arabic).
- Al-Wer, E. (1997). Arabic between Reality and Ideology. *International Journal of Applied Linguistics*, 7(2), 251–265. <https://doi.org/10.1111/j.1473-4192.1997.tb00117.x>
- Bassiouney, R. (2020). *Arabic Sociolinguistics: Topics in Diglossia, Gender, Identity, and Politics*. Georgetown University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv10kmbxg>
- Brustad, K.E. (2000). *The syntax of spoken Arabic: A comparative study of Moroccan, Egyptian, Syrian, and Kuwaiti dialects*. Georgetown University Press.
- Fatkhullova, E.S. (2012). *The Arabic language in the context of the development of the Egyptian dialect of the Arabic language in the territory of the Republic of Egypt*. [PhD thesis of Candidate of Philology]. Yoshkar-Ola. Retrieved 23.03.2024 from <https://cheloveknauka.com/arabskiy-yazyk-v-kontekste-razvitiya-egipetskogo-dialekta-arabskogo-yazyka-na-territorii-respubliki-egipet> (In Russ.).
- Ferguson, Ch.A. (1959). The Arabic koine. *Language*, 35(4), 616–630. <https://doi.org/10.2307/410601>
- Ferguson, Ch.A. (1996). *Sociolinguistic perspectives: Papers on language in society, 1959–1994*. Oxford University Press.
- Hudson, A. (2002). Outline of a theory of diglossia. *International Journal of the Sociology of Language*, 157, 1–48. <https://doi.org/10.1515/ijsl.2002.039>
- Ibrahim, M.H. (1986). Standard and prestige language: A problem in Arabic sociolinguistics. *Anthropological Linguistics*, 28(1), 115–126.
- Rogers, E.T. (1879). Dialects of Colloquial Arabic. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 11(3), 365–379.
- Tuleubaeva, S.A. (2019). On the modern language situation in Arabic countries. *Eurasian Arabic Studies*, 2(8), 45–56. (In Russ.). EDN: RUVQZQ
- Yacoub, M. (2015). Diglossic situation of Arabic language in Egypt: Is low variety planned to get standardized? *International Journal of Social Science and Humanities Research*, 3(1), 382–387.
- Younes, M. (2015). A comparative study on transformational grammar between Egyptian dialects and modern standard Arabic: A study on simple sentences. *Arabic Language & Literature*, 19(3), 61–90. (In Arabic). <https://doi.org/10.18630/kaall.2015.19.3.003>

Bionote:

Aida D. HADDAD — Ph.D. student, assistant at the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. *Research interests*: dialectology, Arabic language, sociolinguistics, lexicography, typological linguistics. *E-mail*: khaddad-a@rudn.ru
ORCID: 0009-0009-5295-0802
SPIN-код: 1601-8469

Сведения об авторе:

ХАДДАД Аида Джихадовна — аспирант, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Научные интересы*: диалектология, арабский язык, социолингвистика, лексикография, типологическое языкознание. *E-mail*: khaddad-a@rudn.ru
ORCID: 0009-0009-5295-0802
SPIN-код: 1601-8469

DOI: 10.22363/2949-5997-2025-3-1-71-80

EDN BGGABQ

Research article / Научная статья

Emotional expression and linguistic identity in a multilingual Morocco

Nisrine YASSINE

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ 1032195045@rudn.ru

Abstract. This study explores the sociolinguistic phenomenon of emotional expression in foreign languages among Moroccan speakers, with a particular focus on the shift away from Darija in emotionally charged communication. Drawing on qualitative data collected through a structured questionnaire, the analysis centers on 64 open-ended responses to three key questions concerning the preference for foreign languages, emotional change across languages, and future linguistic tendencies in Morocco. Thematic coding of the responses reveals several recurring patterns: the perceived lexical richness and expressiveness of English and French, the emotional comfort and detachment offered by non-native languages, and the influence of globalized media and multilingual educational systems. Additionally, the study highlights a growing sociocultural reorientation among Moroccan youth, with foreign languages often seen as more prestigious or better suited to expressing emotionally charged discourse. While some responses indicate a concern about the marginalization of local languages, others foresee a hybrid or multilingual future in which Darija coexists with global linguistic trends. The findings contribute to a deeper understanding of language, identity, and emotional expression in multilingual societies and open space for further research on language prestige, emotional fluency, and cultural affiliation in contemporary Morocco.

Key words: Darija, foreign languages, code-switching, multilingualism, language shift, translanguaging

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: received: 30 June 2024; accepted: 20 November 2024.

© Yassine N., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Yassine, N. (2025). Emotional expression and linguistic identity in a multilingual Morocco. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 3(1), 71–80. <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-71-80> EDN: BGGABQ

Речевая экспрессия и языковая идентичность в многоязычном Марокко

Нисрин ЯССИН

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ 1032195045@rudn.ru

Аннотация. С позиций социолингвистики исследовано использование иностранных языков вместо марокканского диалекта арабского языка (дарижа) в эмоционально окрашенной коммуникации. Материалом исследования послужили результаты анкетирования, в рамках которого участникам было предложено ответить на 3 открытых вопроса, касающихся предпочтения иностранных языков, изменения эмоционального восприятия в разных языках и будущих языковых тенденций в Марокко. Анализ 64 полученных ответов позволил выделить среди причин переключения кода осязаемое богатство лексики и выразительность английского и французского языков; ощущение комфорта и дистанцированности от предмета речи при употреблении иностранных слов; влияние СМИ и многоязычных образовательных ресурсов. Кроме того, подчеркнут актуальный социокультурный феномен, характерный для марокканской молодежи, в речи которой все чаще встречаются выражения на иностранных языках, выступающие маркерами престижа или средством выражения эмоций. В то время как некоторые ответы указывают на обеспокоенность по поводу маргинализации местных языков, другие предсказывают гибридное или многоязычное будущее, в котором за дарижа будут закреплены определенные сферы его употребления в рамках глобальных языковых тенденций. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию языка, идентичности и речевой экспрессии в многоязычных обществах и открывают пространство для дальнейшего изучения вопросов престижа языка, эмоциональной грамотности и культурной принадлежности в современном Марокко.

Ключевые слова: дарижа, иностранный язык, переключение кода, мультилингвизм, переключение языка, транслингвальность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 30 июня 2024; принята в печать 20 ноября 2024.

Для цитирования: Yassine N. Emotional expression and linguistic identity in a multilingual Morocco // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2025. Т. 3. № 1. С. 71–80. <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-71-80> EDN: BGGABQ

Introduction

Language is not only a system of communication but also a tool for expressing inner emotional states, cultural belonging, and personal identity. In multilingual societies, language choice in emotional contexts often reflects deeper sociolinguistic

dynamics. Morocco represents a particularly rich environment for exploring such dynamics due to its complex linguistic landscape, where Moroccan Arabic (Darija), Amazigh, French, English, and other languages coexist and intersect across domains of daily life (Almadanat, Almadanat, 2024).

In recent years, an observable tendency has emerged: many Moroccans, especially younger generations, increasingly resort to foreign languages — primarily French and English — when articulating emotions. This phenomenon raises important questions about the perceived expressive limitations of Darija, the role of language prestige, and the cultural shifts brought on by globalization, media, and education. The preference for foreign languages in emotional expression may reflect not only lexical availability but also affective distancing, sociocultural reorientation, and identity positioning (Pavlenko, 2012; Barker, Bialystok, 2019).

While previous research in sociolinguistics has explored code-switching, diglossia, and multilingual practices in Morocco, the specific question of why Moroccans express emotions more readily in foreign languages than in Darija remains underexamined. This study addresses this gap by analyzing open-ended responses from Moroccan participants to three key questions about language and emotional expression. The goal is to uncover the underlying linguistic and sociocultural motivations behind this preference and to assess how these tendencies may evolve among future generations.

This study is based on a qualitative approach involving the collection and thematic analysis of responses to a structural questionnaire. It was designed to examine linguistic preferences in emotional expression, with a particular focus on attitudes toward the use of Darija compared to foreign languages such as French and English.

The dataset consists of 64 open-ended answers provided by Moroccan participants aged 18 to 30. The gender distribution included approximately 63% female and 37% male respondents. In terms of educational background, the majority held or were pursuing higher education degrees, with over 60% enrolled in master's programs. Most participants reported Darija as their primary language for daily communication (84%), while French and English were the most mastered foreign languages (98% and 96% respectively). The native language distribution also reflected this multilingual environment, with Darija and Arabic dominating, alongside smaller representations of Amazigh and French.

The questionnaire included three key open questions:

1. Whether respondents had ever felt that a foreign language allowed them to express something they could not in Darija, and why.
2. Whether their manner of expressing emotions changes depending on the language, and how.
3. Whether they believe future generations in Morocco will increasingly use foreign languages to express emotions, and why or why not.

A thematic coding methodology was applied to classify and interpret the responses. Codes were developed inductively based on recurring patterns in the data and grouped

into broader thematic categories, such as *lexical richness*, *emotional detachment*, *media influence*, *language prestige*, and *cultural identity shift*. Each response was assigned to one or more thematic categories depending on its content.

For this study, only responses that directly supported the investigated linguistic phenomenon — namely, the use of foreign languages for emotional expression — were selected for thematic analysis. Negative or non-substantiated responses (e.g., simple negations or affirmative answers without justification) were excluded, as the aim was not to quantify general agreement but to identify and interpret recurring linguistic and sociocultural motivations.

While not all participants answered affirmatively to each question, the analysis focused exclusively on responses that explicitly supported the phenomenon under investigation. This selective approach enabled a more in-depth thematic interpretation of the linguistic and sociocultural motivations underlying the emotional use of foreign languages. Thematic coding revealed a set of recurring categories across the three open-questions. The findings are presented by question and supported by frequency tables and illustrative examples that highlight core discursive tendencies. The study seeks to answer the following research question: What sociolinguistic, cultural, and emotional factors underlie Moroccan youth's preference for using foreign languages — particularly French and English — when expressing emotions, rather than their native Darija?

The aim of the research is to identify and analyze the sociolinguistic, psychological, and cultural factors that drive the preference among Moroccan youth to use foreign languages (French and English) over their native Darija for expressing emotions, and to assess the potential consequences of this trend for linguistic identity and the future linguistic landscape of Morocco.

Perceived expressive limitations of Darija (Question 1)

Participants were asked whether they ever had ever felt that a foreign language enabled them to express something they could not articulate in Darija, and to explain why. Among the 26 responses analyzed, six thematic categories were identified (Table 1).

Table 1

Thematic Categories for Question 1: Expressive Limitations of Darija

Category	Frequency	Description
Lexical availability / efficiency	8	Foreign languages were perceived as offering richer or more precise emotional vocabulary
Emotional distance / comfort	8	Participants expressed a sense of emotional detachment or ease when using non-native languages

Ending tabl. 1

Category	Frequency	Description
Cultural / social inhibition	6	Cultural norms were perceived as restricting emotional openness in Darija
Code-switching as strategy	5	Switching to foreign languages was used for fluency or cognitive comfort
Style / Prestige	5	English and French were viewed as more sophisticated or socially appropriate
Media influence / exposure	3	Participants cited emotional vocabulary internalized through films, books, or digital media

Source: compiled by Y. Nisrine.

Emotional variation across languages (Question 2)

The second question focused on whether participants experienced a shift in their emotional expression when changing languages. Among the 13 responses, five key themes emerged (Table 2).

Table 2

Thematic Categories for Question 2: Emotional Variation Across Languages

Category	Frequency	Description
Emotional detachment / comfort	5	Certain languages feel emotionally safer, reduce shyness, or create distance from emotionally charged expression
Emotional intensity variation	5	Expression of emotions varies in strength or directness depending on the language
Lexical or stylistic shift	5	Differences in vocabulary, expressive range, or stylistic possibilities across languages
Personality or behavior shift	3	Participants report feeling like a different person or adopting new behavioral traits
Cultural norms of expression	2	Cultural expectations shape how emotions are verbalized across languages

Source: compiled by Y. Nisrine.

Projected language preferences of future generations (Question 3)

Participants were asked whether they believed future generations in Morocco would increasingly rely on foreign languages to express emotions. Among the 25 responses, six categories were identified (Table 3).

Table 3

**Thematic Categories for Question 3:
Projected Language Preferences for Future Generations**

Category	Frequency	Description
Media and global cultural exposure	10	Digital and transnational cultural were seen as key forces shaping emotional
Prestige and linguistic fashionability	6	Foreign languages, particularly English, were viewed as trendy, elegant, or modern
Lexical richness and expressive range	4	Participants believed foreign languages allowed for more precise emotional communication
Educational system influence	3	The use of foreign languages in school was cited as a reinforcing factor
Cultural identity reorientation	4	Respondents observed youth increasingly identifying with global rather than local culture
Emotional distancing / safety	3	Foreign languages were associated with greater emotional control or less vulnerability

Source: compiled by Y. Nisrine.

The findings of this study demonstrate that the preference for foreign languages in emotional expression among Moroccan youth is not a superficial linguistic habit but a multifaceted sociolinguistic phenomenon. Participants' justifications reflect a complex interplay of affective, cultural, and identity-related factors.

Firstly, the most recurrent theme across all three questions was the perception that English and French offer greater lexical precision and stylistic flexibility for expressing emotions. This confirms earlier observations in sociolinguistic literature that lexical availability influences emotional fluency, especially in multilingual settings (Dewaele, 2013). Participants frequently described Darija as *too direct*, *too raw*, or lacking *expressive nuance*, which led them to seek more emotionally calibrated vocabulary in foreign languages.

Secondly, many respondents linked emotional expression in foreign languages to psychological comfort or emotional distancing. These results echo previous research suggesting that non-native languages can serve as a buffer, reducing vulnerability or emotional intensity (Pavlenko, 2006). In this study, foreign languages were not only seen as more *comfortable*, but also as tools for *self-protection* in contexts involving shame, intimacy, or conflict (Green, Abutalebi, 2013).

A third key finding concerns cultural alignment and identity projection. Participants often reported feeling like a “different person” or embodying a different communicative style when switching languages. This finding supports the view that language choice is inherently tied to identity performance and cultural affiliation (Norton, 2000). Through foreign language use, respondents aligned themselves with globalized media, digital content, or aspirational cultural models, especially in emotionally expressive domains.

Furthermore, the role of media and education emerged as critical. Exposure to emotional language in films, series, and social networks — especially in English — was cited as a major influence on participants’ expressive habits. In addition, the dominance of foreign languages in higher education was seen as reinforcing the shift away from Darija in formal and affective communication. These findings are consistent with previous studies on linguistic imperialism and media-mediated identity in postcolonial contexts (Phillipson, 1992; Albirini, 2016).

It is also important to note that, despite this preference for foreign languages, some respondents expressed hope that Darija could reclaim emotional expressiveness in the future. This suggests a potential space for linguistic revalorization, especially as Moroccan society becomes more emotionally open. In recent years, public discourse in Morocco has begun to normalize discussions of mental health, emotional vulnerability, and self-expression — especially among youth and online communities. This cultural shift may gradually create more room for local languages, such as Darija, to expand their emotional range and discursive legitimacy. Similar tensions between global and local languages have been documented in other multilingual societies undergoing cultural transition (Blommaert, 2010).

This study examined the preference among young Moroccans to express emotions in foreign languages rather than in Darija, with the aim of identifying the linguistic and sociocultural factors underlying this phenomenon. The analysis was based on 64 open-ended responses to three carefully formulated questions, interpreted through thematic coding.

The results revealed that the use of English and French in emotionally charged communication is primarily motivated by perceptions of lexical richness, emotional comfort, and greater expressive flexibility. Foreign languages were frequently described as more nuanced or less emotionally intense than Darija, allowing speakers to express vulnerability or complex feelings with greater ease. Additionally, emotional expression in foreign languages was often shaped by media exposure, multilingual education system, and cultural identification with globalized models of discourse.

These findings confirm and deepen existing sociolinguistic observations that language choice in multilingual contexts is rarely neutral, particularly when it comes to affective expression. Rather, it is deeply embedded in issues of identity construction, cultural orientation, and linguistic ideology. While some participants viewed Darija

as emotionally limited or socially constrained, others expressed optimism about its evolving role — especially considering Morocco’s ongoing shift toward more emotionally open public discourse.

By shedding light on how foreign languages are perceived not merely as tools of communication but as emotional registers, this study contributes to broader discussions on language, identity, and affect in multilingual societies. It also underscores the need for further research into the emotional dimensions of language use in postcolonial and diglossic settings such as Morocco.

Conclusion

The conducted study has allowed for an in-depth examination of the complex phenomenon of language choice for emotional expression in multilingual Moroccan society. The analysis of qualitative data obtained from youth representatives reveals that this choice is not arbitrary but is deeply embedded in a system of sociocultural relations, individual psychology, and global trends.

The main findings of the work confirm that the shift to French and English in emotionally charged contexts is a strategic and motivated act. Firstly, the perceived limitations of Darija in lexical and stylistic terms play a key role. Research participants consistently described their native dialect as overly direct, “raw”, or lacking the subtle nuances necessary to convey complex feelings such as vulnerability, nostalgia, or romantic attachment. Foreign languages, in contrast, are perceived as richer and more precise tools for emotional articulation, creating a sense of greater expressive freedom.

Secondly, an important psychological aspect was identified — the phenomenon of emotional distancing. A foreign language functions as a kind of protective barrier, allowing for the expression of intimate or painful experiences with less sense of shame, embarrassment, or social risk. This “safe distance” makes non-native languages the preferred medium for discussing topics that are tabooed or strictly regulated by cultural norms within the framework of Darija.

Thirdly, the study showed that language choice is inextricably linked to identity construction and projection. By switching to French or English, speakers do not merely change a code; they also activate a specific social role — one that is more cosmopolitan, modern, and educated. This choice reflects a sociocultural reorientation among a significant portion of youth who, through language, seek to associate themselves with global values, digital communities, and media content dominated precisely by these languages. Thus, emotional speech in a foreign language becomes an act of self-positioning in the world.

Furthermore, the research highlights the structural factors that reinforce this trend. The higher education system, where French and English are languages of

prestige and knowledge, and the pervasive influence of global media (films, series, social networks) continuously shape the emotional vocabulary and discursive practices of the younger generation, displacing Darija from the sphere of reflective and emotional communication.

However, the data do not point to a simple and irreversible language shift. Despite the clear dominance of foreign languages in the studied context, respondents' answers also expressed concern about the marginalization of Darija and hope for its adaptation. An emerging trend in Moroccan society towards greater openness in discussing psychological well-being and emotions could create space for expanding the expressive functions of local languages. The future is seen not in replacement, but in a complex hybrid or complementary model, where Darija, French, English, as well as Standard Arabic and Tamazight will occupy their niches in speakers' emotional repertoires, reflecting the multi-layered nature of their identity.

In conclusion, this study contributes to the understanding of how, in the context of globalization and multilingualism, language becomes not merely a means of conveying emotions, but an active tool for managing emotional experience, social image, and cultural affiliation. The obtained results open up prospects for further research into the dynamics of "emotional literacy" in different languages, the transformation of language ideology in postcolonial societies, and the role of the digital environment in shaping the emotional registers of the modern individual.

References

- Albirini, A. (2016). *Modern Arabic sociolinguistics: Diglossia, variation, codeswitching, attitudes and identity* (1st ed.). London, New York: Routledge.
- Almadanat, D., & Almadanat, Kh. (2024). The perception of emotions in L1 and L2 among Arabic-English bilinguals: A qualitative investigation. *IJOLTL (Indonesian Journal of Language Teaching and Linguistics)*, 9(1), 1–13. <https://doi.org/10.30957/ijoltl.v9i1.766> EDN: GVIFUQ
- Barker, R.M., & Bialystok, E. (2019). Processing differences between monolingual and bilingual young adults on an emotion n-back task. *Brain and Cognition*, 134, 29–43. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2019.05.004>
- Blommaert, J. (2010). *The sociolinguistics of globalization*. Cambridge: University Press.
- Dewaele, J.-M. (2013). The link between foreign language classroom anxiety and psychoticism, extraversion, and neuroticism among adult bi- and multilinguals. *The Modern Language Journal*, 97(3), 670–684. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4781.2013.12036.x>
- Norton, B. (2000). *Identity and language learning: Gender, ethnicity and educational change*. Pearson Education.
- Green, D.W., & Abutalebi, J. (2013). Language control in bilinguals: The adaptive control hypothesis. *Journal of Cognitive Psychology*, 25(5), 515–530. <https://doi.org/10.1080/20445911.2013.796377>
- Pavlenko, A. (Ed.). (2006). *Bilingual minds: Emotional experience, expression, and representation*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Pavlenko, A. (2012). Multilingualism and emotions. In Martin-Jones, M., Blackledge, A., Creese, A. (eds.). *The Routledge handbook of multilingualism*. P. 454–470. London, New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203154427>
- Phillipson, R. (1992). *Linguistic imperialism*. Oxford: Oxford University Press.

Bionote:

Nisrine YASSINE, a master student at the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. *Research interests:* sociolinguistics, dialectology, lexicology, language policy, contact linguistics.

E-mail: 1032195045@rudn.ru

ORCID: 0009-0006-4616-4803

Сведения об авторе:

ЯССИН Нисрин, магистрант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Научные интересы:* социолингвистика, диалектология, лексикология, языковая политика, контактная лингвистика.

E-mail: 1032195045@rudn.ru

ORCID: 0009-0006-4616-4803

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ. БРИФЫ. РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC EVENTS. BRIEFS. BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2949-5997-2025-3-1-81-90

EDN BIKBCL

Abstract / Тезисы доклада

Slavic enclaves in Italy: Some remarks on Molise Slavic

Marco BIASIO University of Pisa, *Pisa, Italy*
✉ marco.biasio@fileli.unipi.it

Molise Slavic (*na-našu*, lit. ‘our way’) is an umbrella term which groups three severely endangered subvarieties of the same South Slavic microlanguage spoken in three rural municipalities located in the province of Campobasso (Molise), Southern Italy — namely, Acquaviva Collecroce (Kruč), San Felice del Molise (Filič), and Montemitro (Mundimitar) (Appendix 1). Lexical and morphological evidence, including the uneven presence of Western Štokavian- and Southern Čakavian-Ikavian elements, strongly suggests that the ancestors of contemporary Molise Slavic speakers fled around the beginning of the XVI century from a territory comprised between the rivers Cetina and Neretva, in the Dalmatian hinterland (most likely the Neretva valley, nowadays in Bosnia and Herzegovina), in order to escape the Ottoman invasion of the Balkans (Rešetar, 1997: 55). In 21 century, Molise Slavic varieties, which have been severed from the Croatian dialectal continuum for almost six centuries, find themselves in a situation of long-standing (i.e., absolute) language contact with the regional varieties of Italian spoken in and around Campobasso; conversely, neighboring Molise dialect(s) and Neapolitan, which once was a prestige language, are not actively mastered by Molise Slavic L1 speakers anymore (Adamou et al., 2016: 516–517).

© Biasio M., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

This multilayered and ever-evolving sociolinguistic situation, which can be captured by formalizing tendential patterns of interaction among grammatical systems in contact (the so-called *diagrammar*), has triggered massive modular changes in both the lexicon and grammar of all three Molise Slavic varieties. On the one hand, a sizeable number of lexical borrowings from Regional and Standard Italian, especially nouns, have percolated into each variety, oftentimes replacing older Slavisms (Adamou et al., 2016: 526, 532); at the same time functional categories, such as prepositions and numerals (Rešetar, 1997: 133–134; Sujoldžić, 2004: 267), have been affected the least. On the other hand, the original Štokavian case paradigm has undergone a significant defoliation. Both the second (neuters ending in *-e/-o*) and fourth declension (feminines ending in *-i*) have long disappeared and their members converged towards the grammatical gender of the adstrate language; cf. Bosnian-Croatian-Montenegrin-Serbian language *zdrâvlj-e*_{neut} > Molise Slavic *zdravlj-(a)*_{fem} (Italian *salut-e*_{fem} ‘health’) and Bosnian-Croatian-Montenegrin-Serbian language *kŕv-Ø*_{fem} > Molise Slavic *krv-Ø*_{mas} (Italian *sangu-e*_{mas} ‘blood’). The case system, which has been retained despite the considerable influence from Romance models (Wiemer, 2020: 284), has also suffered a similar fate. While the loss of the locative case has brought along a functional extension of the accusative to stative contexts, other oblique cases not encoding grammatical relations can be only be licensed by previously redundant prepositional elements, e.g., *ključ do vrat* ‘door key’ (lit. ‘key-to-door’), *sa ga štoknija s jenme nožam* ‘I am cutting it with the knife’, and the like. As for the tempo-aspectual system, attributable to Romance influence are, among other things, the functional shrinking of the aorist, the parallel expansion of the imperfect towards the counterfactual domain, and the use of new inceptive and obligative constructions to express future meaning.

Since the beginning of the 21 century, there emerged a number of different initiatives aimed at reversing the ongoing process of language decay and stimulating *in loco* the active engagement of younger generations. As it is well known, the sensible reduction in the number of Molise Slavic L1 speakers and the constant increase of (younger) Molise Slavic semi-speakers or passive speakers, paralleled by the assimilation of Molise Slavic varieties to the national language, a long-lasting demographic crisis fueled by labor migration, and a delayed onset of (traditional) literacy have been frequently mentioned among the causes speeding up the exfoliation of areal (layered) language density (Grenoble, Whaley, 2006: 36–38).

On an international level, following the ratification of the 1981 Arfè Resolution (“Resolution on a Community Charter of Regional Languages and Cultures and on a Charter of Rights of Ethnic Minorities”) and the 1992 European Charter for Regional and Minority Languages, the new and far-reaching research program EuroSlav 2010¹ has been developed and launched, with the broader aim of investigating a number of endangered Slavic varieties in non-Slavic speaking European countries — including

¹ EuroSlav. Retrieved October 17, 2024, from <https://typo.uni-konstanz.de/slav/EuroSlav2010/EUROSLAV2010-Index-TYPO.htm>

Molise Slavic. By 2020-s, three electronic corpora comprising a number of annotated (i.e., morphologically tagged) oral interviews and recordings with active speakers of all the three variants of Molise Slavic have been released on Pangloss and made publicly available (*Kruč*², *Filić*³, *Mundimitar*⁴). A related selection⁵ of texts has been subsequently published in a separate monograph (Breu, 2017); a new descriptive grammar, twenty years after the first attempt (Sammartino, 2004), is being developed in the 2020-s.

On a national level, although the 1992 European Charter for Regional or Minority Languages was formally implemented within the 1999 Framework Law 482, there is still no national and/or regional law that recognizes either Molise Slavic variety as an independent language (Vollstädt, 2019: 100). This legislative gap is perceived as a blatant asymmetry of political and financial support from the Italian government for minority activities in the South as opposed to Northern regions (Šimičić, Škevin Rajko, 2021: 6). Accordingly, unlike other other renowned cases (cf. for a comparative discussion of the dichotomy Spanish-Basque (Arzoz, 2015)), no real language planning policy has been pursued for Molise Slavic varieties on a national level; for example, neither variety has been consistently featured in media and literature, nor have they been adopted in formal and official environments, such as public administration and religious ceremonies, where Standard Italian still predominates. Somehow paradoxically, financial support to various minority activities has been provided by Croatia, ever since the promulgation of the 124/2011 *Zakon o odnosima Republike Hrvatske s Hrvatima izvan Republike Hrvatske* ‘Act on the Relations between the Republic of Croatia and the Croatians outside the Republic of Croatia’ (Šimičić, Škevin Rajko, 2021: 4). Institutional support of the Croatian state towards linguistic diaspora phenomena has included, among other initiatives, the development of a long-term teaching plan of Standard (štokavian-jekavian) Croatian to young Molise Slavic (semi-)speakers in primary and (lower) secondary schools, as well as the initiation of institutional visits to and from Croatia (twinning with Croatian villages, e.g., Kruč-Vidovec, Filić-Omiš; other joint cultural activities). However, the permanent disregard towards Molise Slavic varieties (which are not taught neither in primary nor in secondary schools) seems to be a decisive factor contributing to their loss.

The most promising strategies of bottom-up language revitalization have been undertaken on a local level. They have led, on the one hand, to the establishment of

² Kruč. *Pangloss*. Retrieved October 19, 2024, from [https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_\(Acquaviva_Collecroce\)?lang=en&mode=pro](https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_(Acquaviva_Collecroce)?lang=en&mode=pro)

³ Filić. *Pangloss*. Retrieved October 16, 2024, from [https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_\(San_Felice_del_Molise\)?lang=en&mode=pro](https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_(San_Felice_del_Molise)?lang=en&mode=pro)

⁴ Mundimitar. *Pangloss*. Retrieved October 19, 2024, from [https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_\(Montemitro\)?lang=en&mode=pro](https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_(Montemitro)?lang=en&mode=pro)

⁵ Na-našu (slave molisan): le dialecte de San Felice. Retrieved October 15, 2024, from [https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-našu_\(San_Felice_del_Molise\)](https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-našu_(San_Felice_del_Molise))

a number of cultural associations (such as the *Agostina Piccoli Foundation*⁶), magazines and journals (such as *Riča živa* (Riča živa) and *Kamastra / Komoštre* (Kamastra), which followed in the footsteps of *Naš jezik / La nostra lingua*, active from 1967 to 1970) promoting the development of a full-blown literacy in Molise Slavic. On the other hand, local literacy has been further fostered by several other multimodal projects, including the Mundimitar-based folk group *KroaTarantata* (KroaTarantata) (which blends Southern Italian folk music and Molise Slavic original texts) and the related web radio *Čujemo se*⁷, which has played a pivotal role in the organization of forums for young Croatian minorities. Moreover, a small group of linguistically trained activists working at the local language counseling services and coordinated by the editorial board of *Kamastra / Komoštre* has given to the press a new thematic-oriented lexicon covering primarily public space, the political sphere and craft related terms in all the three variants of MS, which is strategically centered around interacting interviews with Molise Slavic L1 speakers (Pugliese, Agresti, 2019).

Keywords: languages of Italy, language revitalization, Western Štokavian-Ikavian, Southern Čakavian-Ikavian

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: Received: 10 September 2024; accepted: 16 December 2024.

For citation: Biasio, M. (2025). Slavic enclaves in Italy: Some remarks on Molise Slavic. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 3(1), 81–90. <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-81-90> EDN: BIKBCL

Славянские анклавы в Италии: несколько слов о молизско-славянском языке

Марко БИАЗИО

Пизанский университет, Пиза, Италия

✉ marco.biasio@fileli.unipi.it

Понятие молизско-славянского языка (*na-naši*, букв. ‘наш путь’) является зонтичным. Оно объединяет три говора (субварианта) южнославянского микроязыка, которые находятся под угрозой исчезновения. На них говорят в трех коммунах, расположенных в провинции Кампобассо (регион Молизе)

⁶ Agostina Piccoli Foundation. *Federal Union of European Nationalities*. Retrieved October 17, 2024, from <https://fuen.org/en/members/Foundation-Agostina-Piccoli>

⁷ Čujemo se. Retrieved October 17, 2024, from <https://cujemose.it/>

в Южной Италии, а именно, в коммунах Аквавива-Коллекроче (или Круча), Сан-Феличе-дель-Молизе (или Филича) и Монтемитро (или Мундимитар) (Приложение 1). Лексические и морфонологические данные, включая неравномерное присутствие элементов западного штокавского и южных чакавско-икавских диалектов убедительно свидетельствуют, что предки носителей современного молизско-славянского языка, спасаясь от османского вторжения на Балканы, бежали с территории, расположенной между реками Цетина и Неретва в Далматинской Загоре. Наиболее вероятным местом их исхода все же следует считать долину Неретвы, сейчас являющуюся территорией Боснии и Герцеговины (Rešetar, 1997: 55).

Говоры молизско-славянского языка, на протяжении без малого шести веков оторванные от хорватского диалектного континуума, в XXI в. оказались в ситуации длительного и абсолютного (все носители молизско-славянского как минимум двуязычны и владеют доминирующим идиомом) языкового контакта с региональными разновидностями итальянского языка, на котором говорят в Кампобассо и его окрестностях. В то же время, соседние молизские диалекты и некогда престижный неаполитанский язык постепенно перестают усваиваться и использоваться молизскими славянами в качестве первого доминирующего языка (Adamou et al., 2016: 516–517).

Динамику и сложный многоуровневый характер данной социолингвистической ситуации, отличительными чертами которой являются значительные изменения в лексике и грамматике всех трех молизско-славянских говоров, можно описать через формализацию тенденций взаимодействия между контактирующими грамматическими системами, используя методы диаграмматики. Так, например, на уровне лексики все говоры заимствовали большое количество лексических единиц из регионального и стандартного вариантов итальянского языка, особенно это касается существительных, которые вытесняли более ранние славянизмы (Adamou et al., 2016: 526, 532). При этом числительные и служебные части речи заимствовались значительно реже (Rešetar, 1997: 133–134; Sujoldžić, 2004: 267). На уровне грамматики изначальная штокавская падежная система подверглась существенной редукции. Так, например, второе (ср. р. на *-e/-o*) и четвертое (ж.р. на *-i*) склонения исчезли, утратив собственные морфологические показатели рода, а их члены приняли показатели рода языка-адстрата. Ср.: в боснийском, хорватском, черногорском и сербском языках *zdrâvlj-e*_{NEUT} ('здоровье', ср. р.) > молизско-славянский *zdravlj-(a)*_{FEM} ('здоровье', ж.р.) под влиянием итальянского *salut-e*_{FEM} ('здоровье' ж.р.); в боснийском, хорватском, черногорском и сербском языках *křv-Ø*_{FEM} ('кровь', ж.р.) > молизско-славянский *křv-Ø*_{MAS} ('кровь', м.р.) под влиянием итальянского *sangu-e*_{MAS} ('кровь', м.р.).

Падежная система, которая длительное время успешно противостояла влиянию романских языков (Wiemer, 2020: 284), также изменилась. Утрата ло-

кативного падежа привела к расширению функций аккузатива и его использованию в стативных конструкциях. Ряд косвенных падежей стал использоваться только с предлогами, которые ранее не требовались. Например, *ključ do vrat* ‘ключ от двери’ (букв. ‘ключ от двери’), *sa ga štoknija s jentne požam* ‘я режу это с ножом’ и т.п.

В темпорально-аспектуальной системе также прослеживаются изменения под влиянием романских языков. Это влияние выражается, в частности, в сужении функций аориста и параллельном расширении функций имперфекта в контрафактических высказываниях, а также в использовании новых инцептивных и облигаторных конструкций для выражения значения будущего времени.

С начала XXI в. возник целый ряд инициатив, задачей которых — остановить продолжающийся процесс угасания языка и вызвать у молодого поколения интерес к молизско-славянскому языку. Среди основных факторов, ведущих к языковому сдвигу, наиболее значимы следующие: сокращение числа говорящих на молизско-славянском как на первом языке, постоянный рост числа так называемых полуносителей или пассивных носителей, что особенно заметно среди молодого поколения, длительный демографический кризис, сопровождаемый трудовой миграцией, продолжающиеся процессы ассимиляции молизско-славянских диалектов и рост доминирования национального (итальянского) языка, позднее появление традиционной письменности. Все это способствует ускорению процессов эрозии слоев ареальной плотности языка (Grenoble, Whaley, 2006: 36–38).

На международном уровне после ратификации Резолюции Арфе 1981 г. («Резолюция о Хартии сообщества региональных языков и культур и Хартии прав этнических меньшинств»), а также Европейской хартии региональных или языков меньшинств 1992 г. разработана и запущена новая исследовательская программа EuroSlav 2010⁸ с масштабной целью изучения ряда исчезающих славянских языков в неславяноязычных европейских странах, включая и молизско-славянский. К 2020-м гг. на сайте Pangloss⁹ опубликованы в открытом доступе три электронных корпуса, которые включают ряд аннотированных (т.е. морфологически размеченных) устных интервью и записей с активными носителями всех трех вариантов молизско-славянского языка: *Kruč*¹⁰, *Filić*¹¹, *Mundimitar*¹². Соответствующая подборка текстов позже была опубликована

⁸ EuroSlav. URL: <https://typo.uni-konstanz.de/slav/EuroSlav2010/EUROSLAV2010-Index-TYPO.htm> (дата обращения: 17.10.2024).

⁹ Na-našu (slave molisan): le dialecte de San Felice. URL: [https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-našu_\(San_Felice_del_Molise\)](https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-našu_(San_Felice_del_Molise)) (дата обращения: 15.12.2024).

¹⁰ Kruč. Pangloss. URL: [https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_\(Acquaviva_Collecroce\)?lang=en&mode=pro](https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_(Acquaviva_Collecroce)?lang=en&mode=pro) (дата обращения: 19.10.2024).

¹¹ Filić. Pangloss. URL: [https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_\(San_Felice_del_Molise\)?lang=en&mode=pro](https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_(San_Felice_del_Molise)?lang=en&mode=pro) (дата обращения: 16.10.2024).

¹² Mundimitar. Pangloss. URL: [https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_\(Montemitro\)?lang=en&mode=pro](https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u_(Montemitro)?lang=en&mode=pro) (дата обращения: 19.10.2024).

в отдельной монографии (Breu, 2017). Также, спустя двадцать лет после первого издания описательной грамматики молизско-славянского языка (Sammartino, 2004) в 2020-е гг. разрабатывается ее второе издание.

На национальном уровне, несмотря на имплементацию Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств 1992 г. в рамочном Законе № 482 от 1999 г., в Итальянской Республике до сих пор не существует национального и/или регионального документа, который признавал бы молизско-славянский самостоятельным языком (Vollstädt, 2019: 100). Этот законодательный пробел воспринимается как явная асимметрия политической и финансовой поддержки со стороны итальянского правительства деятельности меньшинств на юге страны по сравнению с северными регионами (Šimičić, Škevin Rajko, 2021: 6). Как следствие, в отличие от других известных случаев (см. сравнительный анализ ситуации испанского и баскского языков (Arzoz, 2015)), для молизско-славянского языка не проводилось реальной политики языкового планирования на национальном уровне. Так, ни один из вариантов этого языка последовательно не представлен в СМИ и литературе, ни один из них не используется в официальных сферах коммуникации (государственное управление или религиозные обряды). В подобных сферах по-прежнему преобладает стандартный итальянский. Как ни парадоксально, финансовую поддержку для проведения различных мероприятий в среде молизско-славянских меньшинств оказывает Хорватия. Это происходит с момента принятия и на основании закона 124/2011 *Zakon o odnosima Republike Hrvatske s Hrvatima izvan Republike Hrvatske* «Закон об отношениях между Республикой Хорватия и хорватами, проживающими за пределами Республики Хорватия» (Šimičić, Škevin Rajko, 2021: 4). Институциональная поддержка языковой диаспоры со стороны хорватского государства включает, среди прочего, разработку долгосрочного плана преподавания стандартного (штокавско-икавского) хорватского языка молодым (полу)носителям молизско-славянского в начальных и средних школах, а также инициирование институциональных визитов в Хорватию и из Хорватии (в т.ч. через побратимство с хорватскими деревнями, например, Круч — Видовец, Филич — Омиш), а также и другие совместные культурные мероприятия. Однако, основное препятствие состоит в игнорировании правительством молизско-славянских идиомов, которые не преподаются ни в начальной, ни в средней школе, что, по всей видимости, и является решающим фактором, способствующим их утрате.

Наиболее перспективные стратегии возрождения языка по модели «снизу вверх» реализуются на местном уровне. С одной стороны, они привели к созданию ряда культурных ассоциаций (таких как *Agostina Piccoli Foundation*¹³), журналов и изданий (таких как *Riča živa* (Riča živa) и *Kamastra / Komoštre* (Kamastra), которые пошли по стопам *Naš jezik / La nostra lingua*, действовавших с 1967

¹³ Agostina Piccoli Foundation. *Federal Union of European Nationalities*. URL: <https://fuen.org/en/members/Foundation-Agostina-Piccoli> (дата обращения: 17.10.2024).

по 1970 г.) и способствуют развитию полноценной письменности на молиско-славянском языке. С другой стороны, местная письменная традиция получила дальнейшее развитие благодаря ряду других мультимодальных проектов, включая фолк-группу *Kroa Tarantata* (КроаТарантата) из Монтемитро. Творчество группы сочетает южноитальянскую народную музыку и молиско-славянские оригинальные тексты. Другим удачным проектом можно признать веб-радио *Šijemo se*¹⁴, которое играет ключевую роль в организации форумов для молодых хорватских меньшинств в течение последнего десятилетия. Более того, небольшая группа лингвистически подготовленных активистов, работающих в местных языковых консультационных службах и координируемых редакцией журнала *Kamastra / Komoštre*, передала в печать новый словарь, охватывающий прежде всего лексику повседневного общения, слова политической сферы и лексические единицы, связанные с ремеслами во всех трех вариантах молиско-славянского языка. Слова, вошедшие в словарь, были взяты из интервью с носителями молиско-славянского языка как первого (Pugliese, Agresti, 2019).

Ключевые слова: языки Италии, ревитализация языка, западноштокавский-икавский, южночакавский-икавский

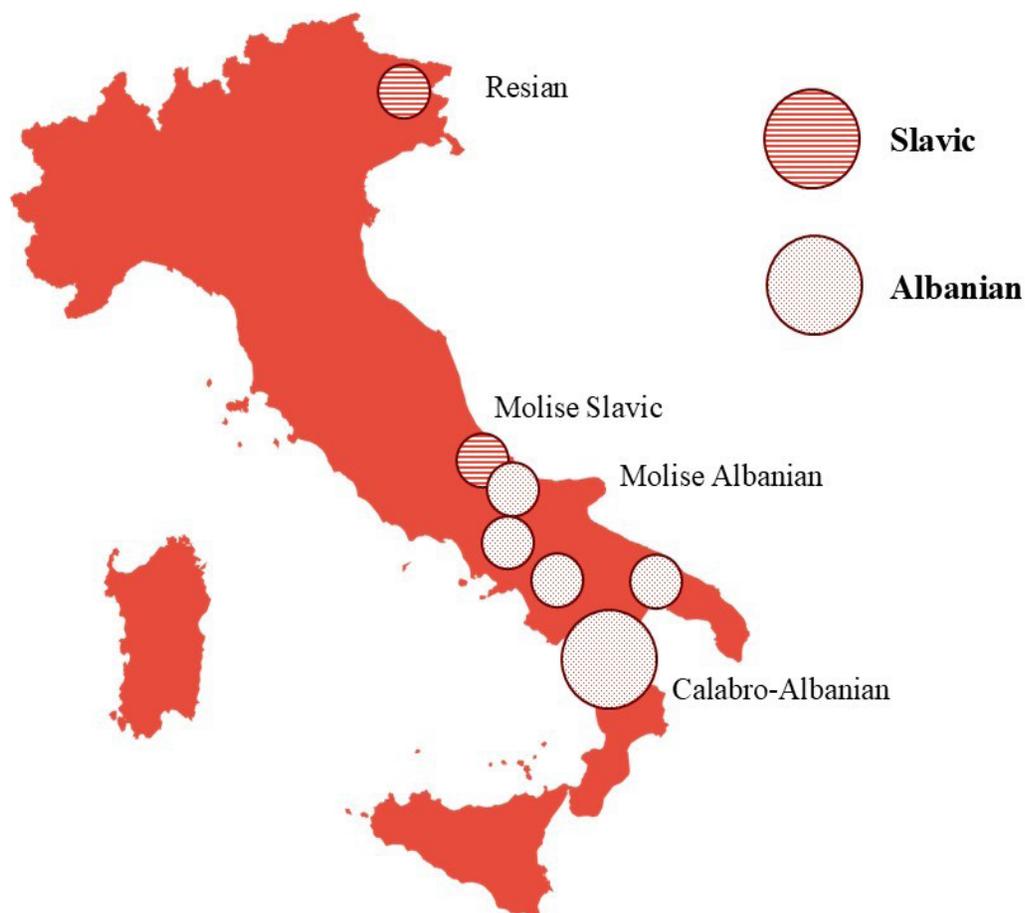
Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 10 сентября 2024; принята в печать 16 декабря 2024.

Для цитирования: Биазо М. Славянские анклав в Италии: несколько слов о молиско-славянском языке // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2025. Т. 3. № 1. С. 81–90. <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2025-3-1-81-90> EDN: BIKBCL

¹⁴ Šijemo se. URL: <https://cijemose.it/> (дата обращения: 17.10.2024).

Appendix 1 / Приложение 1

Geographic distribution of Slavic and Albanian varieties in Italy

Source: compiled M. Biasio.

Географическое распределение славянского и албанского вариантов в Италии

Источник: выполнил М. Биазо.

Список литературы / References

- Adamou, E., Breu, W., Scholze, L., & Shen, R.X. (2016). Borrowing and contact intensity: A corpus-driven approach from four Slavic minority language. *Journal of Language Contact*, 9(3), 513–542. <https://doi.org/10.1163/19552629-00903004>
- Arzoz, X. (2015). The impact of language policy on language revitalization. In H.F. Marten, M. Rießler, J. Saarikivi, R. Toivanen (Eds.), *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity* (pp. 315–334). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-10455-3_12
- Breu, W. (Ed.) (2017). *Slavische Mikrosprachen im absoluten Sprachkontakt. Glossierte und interpretierte Sprachaufnahmen aus Italien, Deutschland, Österreich und Griechenland. Teil 1. Moliseslavische Texte aus Acquaviva Collecroce, Montemitro und San Felice del Molise*. Harrassowitz Verlag. <https://doi.org/10.2307/j.ctv11sn5zw>
- Grenoble, L.A., & Whaley, L.J. (2016). *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615931>
- Pugliese, F., & Agresti, G. (Eds.) (2019). *Vocabolario polinomico e sociale italiano-croato molisano: Lessico dello spazio pubblico*. Mnamon.
- Rešetar, M. (1997). *Le colonie serbocroate nell'Italia meridionale*. Arti Grafiche La Regione.
- Sammartino, A. (2004). *Grammatica della lingua croato-molisana*. Montemitro / Zagreb: Fondazione “Agostina Piccoli” / Profil International.
- Šimičić, L., & Škevin Rajko, I. (2021). Linguistic construction of a ‘True’ Home(land) among Molise Croatian speakers in Italy. *Lingua: Reimagining Language and Belonging in the Diaspora*, 263. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.102853>
- Sujoldžić, A. (2004). Vitality and Erosion of Molise Croatian Dialect. *Collegium Antropologicum*, 28(1), 263–274.
- Vollstädt, N. (2019). Challenges of European language policies: The Slavic Minorities in Italy. *Mediterranean Language Review*, 26(1), 91–106. <https://doi.org/10.13173/medilangrevi.26.2019.0091>
- Wiemer, B. (2020). Convergence. In E. Adamou, & Y. Matras (Eds.), *The Routledge Handbook of Language Contact* (pp. 276–299). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351109154-19>

Bionote:

Marco BIASIO — PhD in Slavic Linguistics, a research fellow, University of Pisa, 43 Lungarno Antonio Pacinotti, 56126, Pisa, Italy, where he works on the digitization and digital mapping of the work of Maximus the Greek. He holds a joint PhD in Slavic Linguistics (2021) from the University of Padua and the University of Novi Sad. He has been collaborating with the research groups Slavicus since 2022 and PaVeDa — Pavia Verbs Database since 2023; he also served as the chair of the Slavic Linguistics Society between 2022 and 2024. He is currently an editorial board member of the Italian journal *Ricerche Slavistiche. Nuova serie*. *Research interests*: morphosyntax, pragmatics, formal semantics, and the history of linguistics.

E-mail: marco.biasio@fileli.unipi.it

ORCID: 0000-0003-1414-8332

Сведения об авторе:

БИАЗИО Марко — Ph.D. по славянскому языкознанию, научный сотрудник, Пизанский университет, Италия, 56126, Пиза, Лунгарно Антонио Пачинотти, д. 43. Занимается оцифровкой и цифровым картографированием трудов Максима Грека, имеет двойную степень Ph.D. по славянскому языкознанию (2021), полученную в Падуанском университете (Италия) и Нови-Садский университет (Сербия). С 2022 г. является членом научно-исследовательской группы Slavicus, а с 2023 г. — с PaVeDa — Pavia Verbs Database. В 2022—2024 гг. являлся членом Общества славянской лингвистики. В настоящее время является членом редакционной коллегии итальянского журнала *Ricerche Slavistiche. Nuova serie*. *Научные интересы*: морфосинтаксис, прагматика, формальная семантика, история лингвистики.

E-mail: marco.biasio@fileli.unipi.it

ORCID: 0000-0003-1414-8332